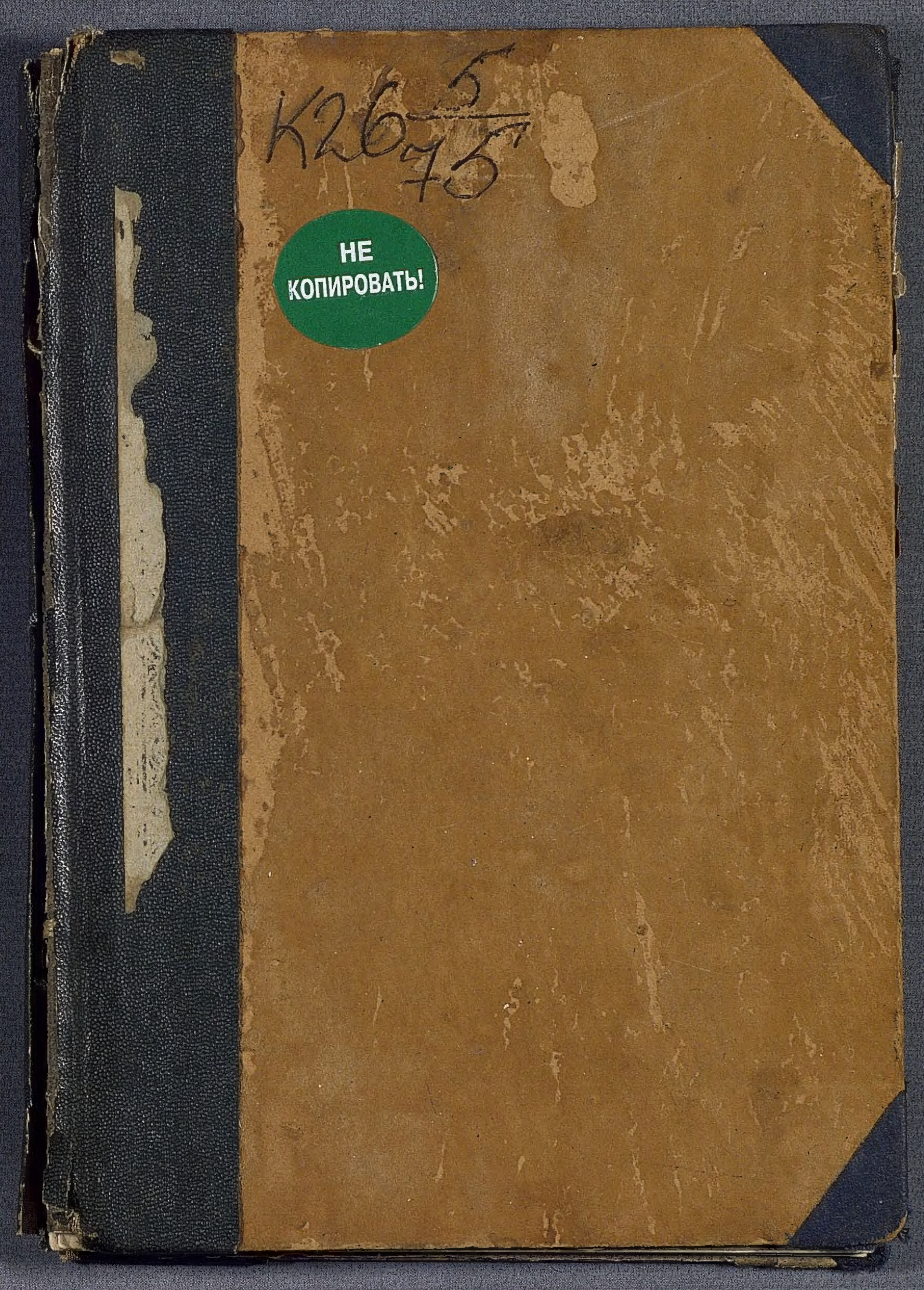
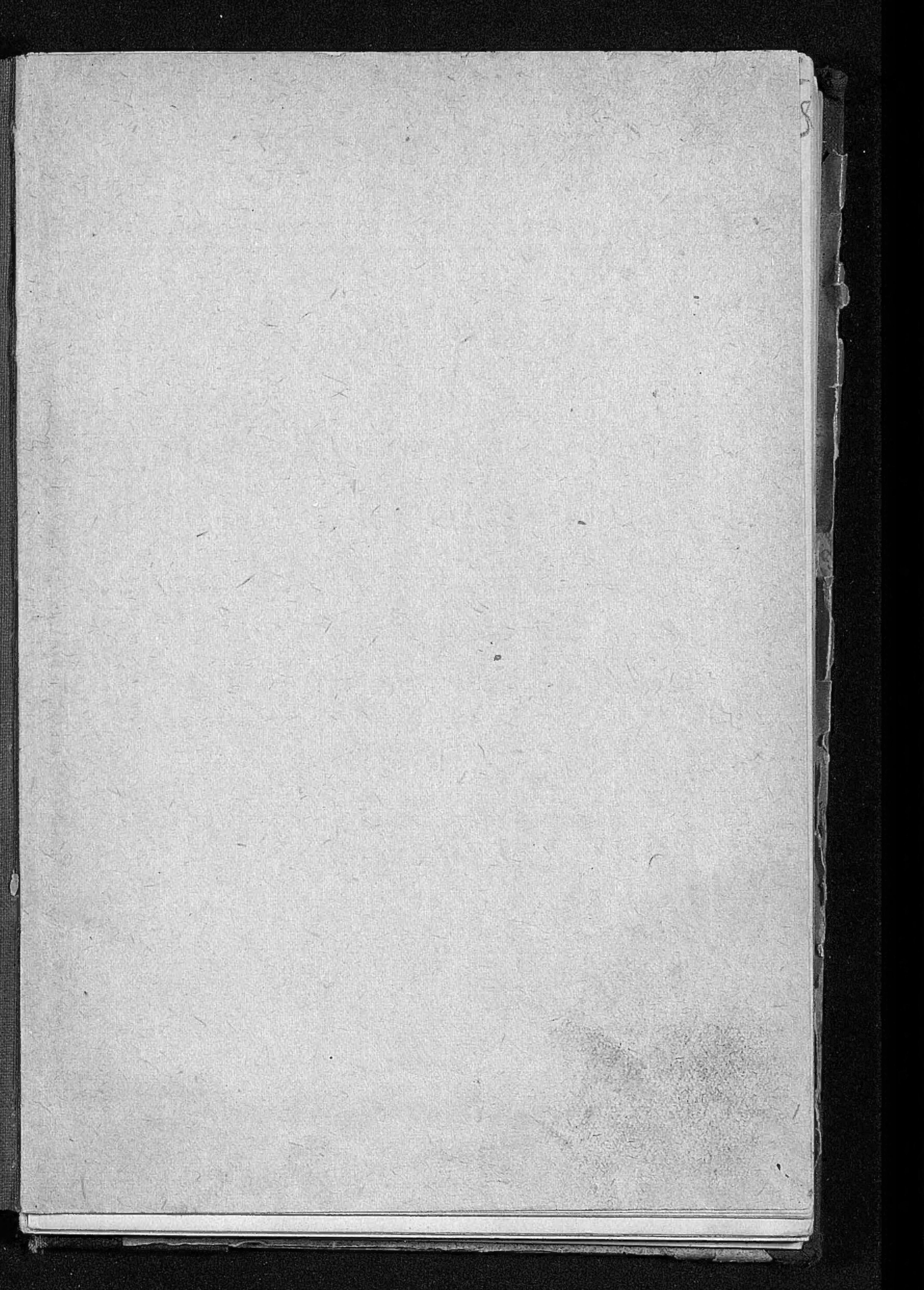

К26 5/75
НЕ
КОПИРОВАТЬ!

Кооперативное издательство „Жизнь и Знание".
Москва, Твеская ул., д. № 5, пом. 2. Тел. 5-04-51.

БИБЛИОТЕКА ДОКУМЕНТОВ, ЗАПИСОК И ВОСПОМИНАНИЙ КН. № 25.

О. И. Попова

А. С. Грибоедов в Персии
1818—1823 г.г.

(по новым документам).

С 10 рисунками и 3 автографами в тексте.

Предисловие, перевод и примечания
О. И. ПОПОВОЙ.

Москва.

Главлит № А—32262. Зак. 660. Тираж 3.000.
Типография ГУМЗ. Москва, М. Каменщики, 16.

Александръ Сергѣевичъ
Грибоѣдовъ.

ВВЕДЕНИЕ.

За последние годы многочисленные исторические материалы, хранившиеся в частных архивах, тем или иным путем всплыли на поверхность и дали неожиданные и важные приобретения. К числу таких ценных находок относятся печатаемые 3 служебных донесения и 6 писем А. С. Грибоедова за 1818—21 годы, значительно дополняющие архивное наследие, оставленное им.

Адресатами являются на этот раз лица, к которым до сих пор не было известно писем Грибоедова: это — поверенный в русских делах в Персии Семен Иванович Мазарович, при котором А. С. состоял тогда секретарем, комиссар русского посольства при А. П. Ермолове—Андрей Иванович Рыхлевский и командир Грузинского гренадерского полка Петр Николаевич Ермолов.

К первому адресовано 3 письма и 3 служебных рапорта, [1]) которые по характеру своему скорее могут быть названы также письмами, столько в них личного настроения и отступлений от формы официальных бумаг. Известный партизан Д. В. Давыдов писал о донесениях А. С.: „Грибоедову, незнакомому ни с какими формами, приходилось иногда, за отсутствием Мазаровича писать бумаги в Тифлис, где они возбуждали в канцелярии Ермолова лишь смех“. [2]) Конечно, Грибоедова, только что начавшего тогда дипломатическую службу, легко мог перещеголять в бумажных формальностях любой канцелярский чиновник, но этому неуме-

---

[1]) На французском языке.

[2]) Соч. Д. Давыдова, 1860 г., т. I, стр. 15.

нию его писать казенным языком обязаны мы и на этот раз ряду искренних и непосредственных страниц его пера и можно только пожалеть о том, что рапорты А. С. дошли до нас не все, а с большими пропусками (что явствует из их нумерации: № 1, 4 и 15) [1]).

Об отношениях Грибоедова к Мазаровичу нам придется говорить ниже подробно, о Рыхлевском же можно ограничиться несколькими словами. Имя его не раз упоминается на страницах записок Н. Н. Муравьева-Карского, который отзывается о нем отрицательно, как, впрочем, и о большинстве лиц его окружавших [2]). Случайно говорит о нем, как о Вятском губернаторе Герцен в „Былом и Думах", [3]) но в эпизоде недостаточно характерном для того, чтобы приводить его здесь.

Судить об отношениях его с Грибоедовым, по дошедшим до нас двум письмам последнего [4]), — трудно. Скорее всего, по ним можно предполагать, что их знакомство было случайной встречей лиц, которых судьба свела одновременно под начальство Ермолова, но не привела к сколько-нибудь тесному сближению. Они интересны, главным образом, тем, что проливают некоторый свет на отношения Грибоедова и Ермолова.

Не таково значение писем к Мазаровичу. В них впервые вскрывается в ярком, детальном очерке начальный период служебной дороги Грибоедова; в них подробно развернута картина тех условий, в которых протекал предпринятый им вывод русских пленных и дезертиров из Персии, задуманный им и Мазаровичем совершенно оригинально, вне обычных дипломатических форм.

Что касается отношений Грибоедова к Мазаровичу, то они прошли через все стадии развития, начиная

---

[1]) Письма Грибоедова извлечены из бумаг Мазаровича, хранящихся в отделении Архива Гос. Историч. Музея. Арх. № 205.

[2]) См. „Р. арх.", 1886 г. № 4, стр. 496 и др.

[3]) Собр. соч. т. XII, гл. XV, стр. 277—278.

[4]) Письма Грибоедова к Рыхлевскому—на русском языке.

с восхищения им и кончая, если не полным разочарованием, то большим скептицизмом. Печатаемые письма к Мазаровичу относятся к периоду увлечения им. Познакомившись с Мазаровичем еще в Петербурге перед отъездом в Персию, Грибоедов писал о нем своему другу С. Н. Бегичеву 15 апреля 1818 г.: „Мазарович, любезное создание, умен и весел“ [1]).

Его привлекало в Мазаровиче отсутствие начальнического, казенного тона, который был так несвойственен и самому Грибоедову. Тон их отношений определился, повидимому, уже в Петербурге, потому что Грибоедов в свой первый путь в Персию писал Мазаровичу еще из предверия Кавказа,—Моздока: „Факт тот, что с тех пор, как я принадлежу вам в качестве секретаря, я не нахожу, чтобы зависимость бедного канцелярского чиновника была так ужасна, как я себе представлял. Это чистый вздор“.... (см. п. № 1).[2]) Он сдерживает себя в том же письме, чтобы не пуститься в излияния своих чувств перед Мазаровичем, только потому, что „неприлично восхищаться людьми в письмах по их же адресу“.

„Мазарович покуда очень мил, много о нас заботится и уважителен и весел“—пишет Грибоедов в январе 1819 г. в путевых записках [3]).

Оставляя в стороне редкую одаренность и ум Грибоедова, трудно было бы найти более противоположных людей и по складу их характера, судя по тем репликам о Мазаровиче, которые рассеяны на страницах путевых записок и писем Грибоедова. Из этих записок оживает образ положительного, уравновешенного человека, умеренного в своих желаниях, умеющего жизнь со всею ее сложностью уложить в простую, ясную и спокойную для себя схему.

---

[1]) Полн. собр. соч. под ред. Н. К. Пиксанова, П. 1917 г., т. III стр. 128.

[2]) См. текст писем, стр. 42:

[3]) Собр. соч., т. III, стр. 41.

Мятежной и страстной душе А. С., с ее ширью и „безпредельностью“, с ее заостренными колебаниями, то возводящими его на вершины духовного подъема, то приводящими к минутным слабостям и мысли о самоубийстве,—весь духовный склад Мазаровича должен был казаться чуждым. Несмотря, однако, на свой умеренный склад, Мазарович понимал и высоко ценил сложную и широкую натуру своего даровитого секретаря, умея с чисто отеческою попечительностью отнестись к наиболее уязвимым слабостям Грибоедова.

„Старайтесь для вашего благополучия устроиться при его превосходительстве, который с своей стороны также должен ценить вас, нуждаясь в талантливых людях,—пишет Мазарович Грибоедову о Ермолове,—но, ради бога, не играйте и не слишком сближайтесь с молодежью, потому что, иначе, я предсказываю вам, что вы переживете много дней и грустных и бедственных“ (см. п. № 9).

Роль счастливого чиновника, вполне довольного начальником Грибоедов выдержал недолго, как и по свойству своей натуры, так и потому, что при общем внимании и признании его даровитости, о которой ему прямо говорили в лицо,—ее и трудно было бы выдержать. Он быстро почувствовал себя по отношению к Мазаровичу в положении ученика, который давно перерос своего учителя..... Это чувствуется в его частных письмах, в которых он добродушно, но и не без яда, подшучивает над своим начальником.

Сообщая о том, что Мазарович „ударился в набожность и мораль глубокую“—Грибоедов пишет Н. А. Каховскому 3 мая 1820 г. из Тавриза: „У Мазаровича завелся поп, каплан, колдун домашний, Римский епископ, халдей потомок Балтазара. Где эдакого миссионера открыли? Шахзада подарил его поверенному и братья Коэфоры причащаются“ [1]).

[1]) Собр. соч., т. III, стр. 139—140.

В 1825 году Грибоедов пишет А. А. Бестужеву из Екатеринодарской станицы: „Досугу не имею ни на секунду, окружен шумным сонмищем, даже сплю не один,—в моей комнате находится Мазарович, с латинским молитвенником и дипломатическими замыслами; одно спасенье, это из постели на лошадь и в поле“ [1]).

Еще меньше почтительности мы находим в письме к В. К. Кюхельбекеру: „Аттестат вышлется тебе на днях. Мазарович непременно бы наградил тебя длинною эпитемьею, да, по счастью, надумывается для важных депеш к Нессельроде [2]) и Комп.; мы живем в одной комнате, я у него под носом то курю, то стреляю“ [3])—пишет Грибоедов.

По мере того, как у Грибоедова накоплялся служебный опыт, развивалась зоркость и наблюдательность над нравами чужой страны, складывались свои дипломатические навыки, его критическое отношение коснулось не только личных и безобидных свойств Мазаровича, но и свойств его, как главы русской миссии в Персии, не всегда державшего себя в этой роли умело и тактично.

В январе 1822 г. Н. Н. Муравьев пишет в своих записках о Грибоедове: „Он мне рассказывал, между прочим, обращение Мазаровича в Персии и каким он образом роняет честь своего звания, а следственно и государя своим поведением в Персии. Когда получены были бумаги из Петербурга, которыми извещали Персидский двор, что турки своим поведением навлекают на себя гнев государя и сами задирают нас к войне, надобно было объяснить Абаз-Мирзе [4]), что государь желает дать знать всем народам, что не страсть к завоеваниям его к сему понуждает, но единственно не-

---

1) От 22 ноября. Собр. соч., т. III, стр. 181.

2) Гр. К. В. Нессельроде—управляющий министерством иностр. дел.

3) От 27 ноября 1825 г. Собрн. соч., т. III, стр. 182.

4) Наследник персидского шаха.

правильные поступки турок против него. Грибоедов ходил к Абаз-Мирзе и объяснил ему сие, говоря: что государь не требует союзников, но дает только ему знать о сем. Абаз-Мирза, обрадованный сим случаем, обещался выставить 50 тысяч воинов и идти на турок, что он и сделал. На другой день Мазарович увидевшись с ним в саду, стал ему о том же говорить; но вместо того, чтобы соблюсти осторожность, он просил Абаз-Мирзу быть союзником нашим, и в знак благодарности, когда тот объявил свое согласие, схватил у него руку и поцеловал ее. Вот поступок достойный иностранца, наемщика в нашей службе![1]) восклицает с негодованием Муравьев, который еще в 1817 г. вынес о Мазаровиче самое невыгодное впечатление. Так, в своих записках от 29 мая 1817 г., Муравьев писал о нем, что "он показывает большую привязанность к Алексею Петровичу" и что „последний может быть и полюбит его, но подлость всюда обнаружится"...

Итак, возмущение Грибоедова Мазаровичем не было единично.

О неблаговидном поведении последнего рассказывал Муравьеву также чиновник русской миссии А. К. Амбургер (впоследствии генеральный консул в Тавризе), еще в 1819 г.

„Мы с ним долго говорили о Персии, о которой он весьма здраво судит",—пишет Муравьев в своих записках об Амбургере. „Он мне говорил на счет действий Мазаровича в Персии, что братья его совершенно пустились без стыда в торги и таскаются по базарам для закупки товаров, которые они намерены продать в России. Поведение такое, кажется, неприлично русскому поверенному в делах"[2]).

Возможно, что неприглядное попустительство Мазаровича в пользу своих родных, которое компро-

---

[1]) „Р. арх.", 1888 г., № 5, стр. 105.

[2]) „Р. арх.", 1886 г., № 12, стр. 446.

метировало русское имя в Персии, а также поведение его с Аббас-Мирзой в январе 1822 года, несовместимое с достоинством русского представителя, и послужило негласным поводом для перехода Грибоедова в феврале 1822 г. из миссии к Ермолову в Грузию.

Наученный предыдущим опытом, Грибоедов согласился в 1828 г. ехать в Персию уже не иначе, как в качестве полномочного министра, не потому, быть-может, только, что он надеялся на отказ в этом высоком назначении, ибо ехал он в Персию с неохотой, не только из чувства честолюбия, которое, несомненно, было ему присуще, но также из желания поставить себя в совершенно независимое положение, чтобы не страдать за чужие промахи и погрешности.

Стремление Грибоедова к независимой и широкой деятельности сказалось еще в 1819 году, в эпизоде вывода русского отряда из пределов Персии, предпринятом им при поддержке Мазаровича, о чем подробно повествуют нам печатаемые письма.

Вывод отряда, как известно, совершился вопреки желанию персидского правительства, не в интересах которого было лишиться русских пленных солдат, а также дезертиров, из которых они, не имея своего хорошо обученного войска составляли войска, так называемых, сарбазов.[1]). Естественно поэтому, что предприятие Грибоедова вызвало с их стороны и противодействие и раздражение, грозившие ему явной и непосредственной опасностью. Чиновник, сопровождавший Грибоедова (мехмендар),—о котором не раз говорится в письмах А. С.,—тормозивший путешествие последнего,—был без сомнения выразителем настроения правящих кругов Персии. Грибоедов, однако, решился на этот шаг. Какими же мотивами руководствовался Грибоедов, решившийся идти по этому рискованному пути?

---

[1]) Сарбазы по персидски значат „играющие головой своей“ (см. рук. Гос. Ист. Муз.—„Собрание записок о Персии в 1817 г.“—Арх. № 896).

С одной стороны в нем говорил избыток энергии и желание отличиться и выслужиться, ибо Грибоедов не скрывал от своих близких, что служба в Персии является для него тяжелой и вынужденной повинностью, которую он принужден нести ради материальных благ, которые она ему давала. С другой—здесь имел место романтический порыв патриотизма, вызванный уязвленным национальным самолюбием. Мысль, что русские солдаты стали наемниками персиян его угнетала и волнова-

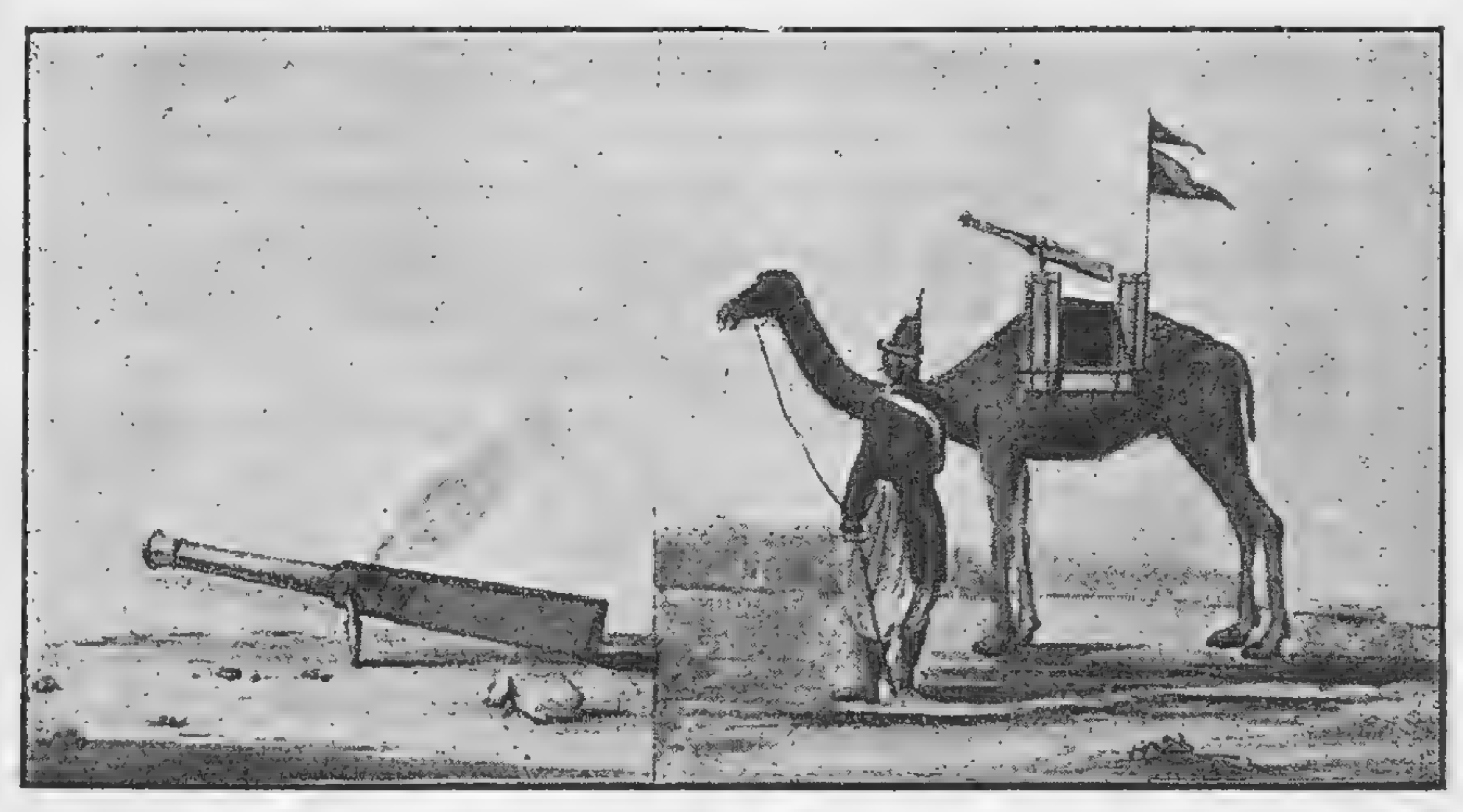

Одежда и вооружение сарбазов.

ла. Несмотря на гуманное отношение самого Грибоедова к солдатам, о чем свидетельствует его донесение о них к Мазаровичу, на первом плане для него стояли, очевидно, не столько заботы о солдатах, сколько забота о престиже России, ибо только один раз в своем донесении Грибоедов пытался проникнуть вглубь явления дезертирства, вызванного тяжелым бытом русского солдата в Аракчеевскую пору. "И с нашей и с их стороны только и слышны жалобы"—пишет он Мазарови-

чу.—„Но на границе какое обоюдное шпионство и дезертирство! Оттуда бегут! бегут и от нас и по моему это Харибда и Сцилла. Там и здесь чиновники отвратительны, насколько я мог наблюдать“. (см. п. 5).

Какая наивность была со стороны Грибоедова верить, что вернув дезертиров на родину, он сделает их „счастливыми“! (см. п. 5). По словам Бегичева, он с большой горячностью убеждал русских солдат, что „они поступили подло, изменив присяге и отечеству“. Вразумления эти, по словам Бегичева, были, вероятно,

Орудие персидской артиллерии — фальконет.

очень убедительны „потому что солдаты были тронуты этим и спросили его: ручается ли он, что они не будут наказаны, если возвратятся в Грузию? Грибоедов отвечал, что ручаться за это не может, но постарается об этом; впрочем, если они и потерпят за преступление, то лучше один раз потерпеть, но очистить свою совесть. На другой же день у его квартиры явилось 70 сарбазов, которые и отправились с ним“. [1])

[1]) „Русское слово“, 1859 г., апрель, стр. 78-79.

Этот рассказ Бегичева не совсем совпадает, однако, с теми данными, которые мы находим в письмах-рапортах Грибоедова, особенно за № 15. Из него видно, что солдат на русской территории приняли не так приветливо, как то обещали им Мазарович и Грибоедов в Персии. Только этим и можно объяснить слова Грибоедова в донесении Мазаровичу, сказанные с большою горечью, что он оказался перед выведенным отрядом „дураком и обманщиком". (См. п. № 5).

Убеждает в этом также письмо и Мазаровича, который в своем пространном ответном письме, дошедшем до нас в черновом виде, уверял Грибоедова, что всему виною лишь неправильно взятый тон тифлисского военного начальства по отношению к солдатам; что же касается самих солдат, то Мазарович, ссылаясь на свое знание человеческого сердца, уверял Грибоедова, что люди склонны быть „довольными и удовлетворенными теми условиями, на которые еще вчера смотрели с большим страхом". (См. п. № 9).

Судьба этого отряда остается до сих пор невыясненной до конца. [1])

По письму Ермолова к Мазаровичу от 11 ноября 1819 г. видно, что лично он отнесся к выводу пленных и беглых по почину Мазаровича и Грибоедова доброжелательно:

„Могу уверить вас"—писал он Мазаровичу—„что люди, обязанные свободою великодушным усилиям вашим, по данному им обещанию, воспользуются не только прощением, но и приемом благосклонным, в рассуждении чего еще до прибытия их в Грузию сделано мною распоряжение и выдано денежное вспомоществование. При сем случае приятно мне заметить попечение Грибоедова о возвратившихся солдатах и не могу отказать

[1]) В бумагах Мин. Иностр. Дел за 1819 г. и позднее, хранящихся в Архиве Революции и Внешней политики, не сохранилось никакого следа об этом деле.

ему в справедливой похвале за исполнение возложенного вами на него поручения, где благородным поведением своим вызвал он неблаговоление Аббаз-Мирзы и даже грубости, в которых не менее благородно остановил его, дав ему уразуметь достоинство русского чиновника"[1]).

Противоречие между рапортами Грибоедова и приведенными словами Ермолова, впрочем, устраняется предположением, что распоряжение Ермолова об отряде запоздало, благодаря чему Грибоедов и был поставлен перед солдатами в ложное положение.

Печальный результат предприятия дал Грибоедову ряд тяжелых минут и угрызений совести, ибо он не мог не сознавать, что ответственность за несчастных солдат лежала на нем. Тем не менее он не понял до конца этого тяжелого урока, и остался верен своему романтическому патриотизму, когда несколько лет спустя пал жертвой своих забот о престиже России на востоке. Оправдались его слова, сказанные им в путевых записках: „Голову мою положу за несчастных соотечественников". [2])

К довершению огорчения Грибоедова, Министерство иностранных дел не разделило точку зрения Ермолова по этому делу и на просьбу последнего представить Грибоедова к награде, разъяснило ему, что „дипломатическому чиновнику так не следовало поступать". [3])

Казалось бы, что патриотизм Грибоедова должен был снискать благоволение русского правительства, но на этот раз он не был принят благосклонно из боязни, что вывод русского отряда повлечет за собой осложнение дипломатических отношений с наследником престола Персии—Аббас-Мирзой, который был крайне недоволен поступком Грибоедова.

---

[1]) Акты, собран. Кавк. Археограф. Ком., т. VI, 2 стр. 219.

[2]) Собр. соч. т. III, стр. 61.

[3]) „Русск. слово", 1859 г., апрель, стр. 79.

В путевых записках Грибоедова приведен разговор его с Аббас-Мирзой по этому поводу, который, действительно, не свидетельствует о благодушии обеих сторон при обсуждении этого вопроса.

Каковы бы не были мотивы, которые руководили Грибоедовым при выводе отряда солдат из Персии,— ему нельзя тем не менее отказать в исключительном личном мужестве и смелости, с которым он его вывел. Они могут быть оценены и поняты в полной мере лишь тем, кому известны дикие и своеобразные нравы Персии того времени. В мемуарах современников Грибоедова сохранилось много рассказов о вероломстве, лжи, хитрости и лести персиян правящих классов, и о трудности, в силу этого иметь с ними какие-бы то не было отношения. Приведем несколько таких свидетельств.

„Надо сделать состав из свойств лисицы, кошки и тигра, чтобы получить настоящий персидский характер“ [1]). Персияне много думают, вдесятеро больше говорят и почти ничего не делают“, [2])—пишет о них Корф.

Столь же неблагосклонный отзыв о персиянах дает и Ермолов, посетивший Персию в 1817 г.: „День выезда из Тавриза был один из приятнейших в моей жизни: я желал его с нетерпением“,—пишет он в своих записках,—„ибо смертельно наскучило мне безпрерывное притворство, одни и те же уверения в дружбе людей, очевидно, желающих нам зла и которые скрыть не могут своей к нам ненависти; безконечные повторения самых мучительных приветствий, которые по всему государству, как будто отданы при пароле, утомили меня до крайности. Вырвался я, наконец, из ненавистного места, которое не иначе соглашусь я увидеть, разве с оружием в руках“. [3])

---

[1]) „Восп. о Персии“. С.-П., 1838 г., стр. 178.

[2]) Там же, стр. 155.

[3]) Зап. А. П. Ермолова, М. 1869 г. ч. II, стр. 67—68.

Аббас - Мирза.

Об умении персиян избегать нежелательных для себя объяснений сохранился интересный рассказ Ф. Ф. Корфа о первом министре Персии, известном Каймакаме, Мирзе-Бюзюрке, переданный ему, очевидно, англичанами.

„Мне расказывали очевидцы“,—пишет о нем Корф— „что будучи приглашен к английскому посланнику для переговоров по одному важному делу, в которое ему не хотелось мешаться, он пробыл в доме посланника 8 часов, и избежал всякого рассуждения о предмете свидания. Он явился туда за 2 часа до полудня; сперва, как водится, начались угощения; когда все унесли, он попросил посланника дать ему сладких лимонов, потом дынь; евши все это очень долго, притворился не совсем здоровым и просил позволения прилечь отдохнуть, уверяя, что поспавши с полчаса, он готов будет говорить о чем угодно. Вся эта сцена, до сна, продолжалась около двух часов. Прислонив голову к подушкам софы для отдыха, персидский дипломат пролежал в этом положении целых пять часов с зажмуренными глазами, между тем как посланник с безпокойством ждал минуты его пробуждения. Наконец, его высокостепенность изволил восстать и, узнав, что на минарете поют призыв к вечернему намазу, он принялся за умовение, за молитву, за извинения перед хозяином, что пропустил час, в который должно ему ехать к шаху, и улизнул со двора. Таков был знаменитый Каймакам, первый паяц в этой земле паяцев,“[1])— заканчивает свой рассказ Корф.

После этих красочных характеристик персиян того времени, стоявших у кормила правления этой дикой и некультурной страны, можно себе представить, сколько терпения, ловкости, мужества и настойчивости нужно было проявить при общении с ними. Нужно было,

---

[1]) „Восп. о Персии“, С.-П., 1838 г., стр. 159—160.

кроме того, уметь проникнуть в их чуждую психологию и понять, что в каждый данный момент могло бы им импонировать. Так Ф. Корф, на аудиенции шаха, понял, что быстрый и не вполне достоверный ответ производил на персиян более выгодное и убедительное впечатление, чем веское и не спеша сказанное слово. Иногда отношения русских с персиянами, в силу некультурности последних, принимали анекдотический характер: Ермолов, чтобы придать себе значительность в их глазах не задумался произвести себя даже в потомки Чингис-Хана, воспользовавшись сходством с монгольской расой своего брата[1]), находившегося в составе его посольства.

Типичным персиянином-чиновником является мехмендар, прикомандированный к Грибоедову, о котором столь часто и столь нелестно отзывается в своих письмах последний.

Трудности пути для Грибоедова и его отряда от постоянно угрожавшей им опасности[2]) усиливались отсутствием продовольствия, которое добывалось ими, при посредстве того же мехмендара, с большим трудом, в силу предрассудка персиян, считавших продажу продуктов предосудительной, с одной стороны, и в силу несовершенства государственного управления Персии, не имевшего казенных средств—с другой. „У персов ничего казенного нет; области, войска, палатки, доходы государственные, все собственность какого нибудь Шах-Зады или хана или самого шаха“ [3])—пишет Муравьев в своих записках. Благодаря этой системе, естественно, что всякий частный владелец старается избежать казенных поборов.

---

[1]) П. Н. Ермолова, который приходится А. П. двоюродным братом.

[2]) См. „Путевые записки“ Грибоедова, напечат. в собр. соч., т. III., П. 1917 г.

[3]) „Р. арх.“, 1886 г., № 4, стр. 506—507.

Селям у Фет-Али-Шаха.
(Селям—собрание).

Доставив отряд в Тифлис, Грибоедов в начале 1820 г. вернулся в Тавриз. Неудача с выводом русских пленных и для себя и для солдат, начавшееся неудовольствие Мазаровичем, заброшенность в глухой Персии, неудовлетворенность узкой сферой деятельности не только своей, но и всей русской миссии в Персии во главе с Мазаровичем, которую Ермолов не посвящал в свои замыслы и к деятельности которой не проявлял особенного интереса,—все вместе взятое резко меняет настроение Грибоедова, отразившееся в письмах его к Рыхлевскому. Им овладевает желание уехать из Персии как можно скорее, „лишь бы Алексей Петрович позволил поднять паруса"... (См. п. № 7).

„Что главнокомандующий намерен делать, я не спрашиваю, потому что он сфинкс новейших времен",—пишет он Рыхлевскому. „Вы не поверите, как здесь двусмысленно наше положение. От Алексея Петровича в целый год разу неузнаем, где его пребывание, и каким оком он с высоты смотрит на дольную нашу деятельность. А в блуждалище персидских неправд и бессмыслицы едва лепится политическое существование Симона Мазаровича и его крестоносцев. Что за жизнь!"

...„Отчего великий ваш генерал махнул рукою на нас жалких, и ниже одним чином не хочет вперед толкнуть на пространном поле государевой службы? Что бы сказал он с своим дарованием, кабы век оставался капитаном артиллерии? Я хотя неосмелил еще моего дмения до того, чтобы с ним смеряться в способностях, но право дороже стою моего звания". (См. п. № 8).

Характер писем Грибоедова к Рыхлевскому позволяет коснуться вопроса о неясных отношениях Грибоедова и Ермолова и этим самым затронуть также вопрос о значении Грибоедова, как дипломатического деятеля.

Нет никакого сомнения, что Грибоедов высоко ценил известного генерала. Отношение же Ермолова

к Грибоедову до сих пор остается не совсем ясным. По словам самого Грибоедова, Ермолов однажды определил его, как „повесу“, но вместе с тем—„прекрасным человеком“. Известно, что Ал. Петр. охотно согласился в 1822 г. принять к себе Грибоедова в качестве секретаря по иностранной части, известно, что он высоко ценил Грибоедова, как частного человека, ум и способности которого не могли не привлекать к себе, но, вместе с тем, известно также и то, что при Ермолове А. С. не выдвинулся. Ценил ли Ермолов А. С. точно по его заслугам или не съумел разгадать в нем способного и энергичного деятеля, не съумел разбудить его силы и дать возможности для их приложения?—вот вопрос, который невольно напрашивается. Не определяется ли понимание и отношение Ермолова к Грибоедову следующими характерными словами партизана Д. В. Давыдова об А. С., сказанными им в письме к Ермолову: „Мало людей более мне по сердцу, как этот *урод*[1]) ума, чувств, познаний и дарований!“[2]).

А. С. сам признавался, что при Ермолове он не работал, а лишь состоял на службе. „При Алексее Петровиче“—писал он Булгарину 16 апреля 1827 г., когда Ермолова уже заместил Паскевич,—„у меня много досуга было, и если я немного наслужил, то вдоволь начитался. Теперь с божиею помощью употреблю это в пользу“[3]).

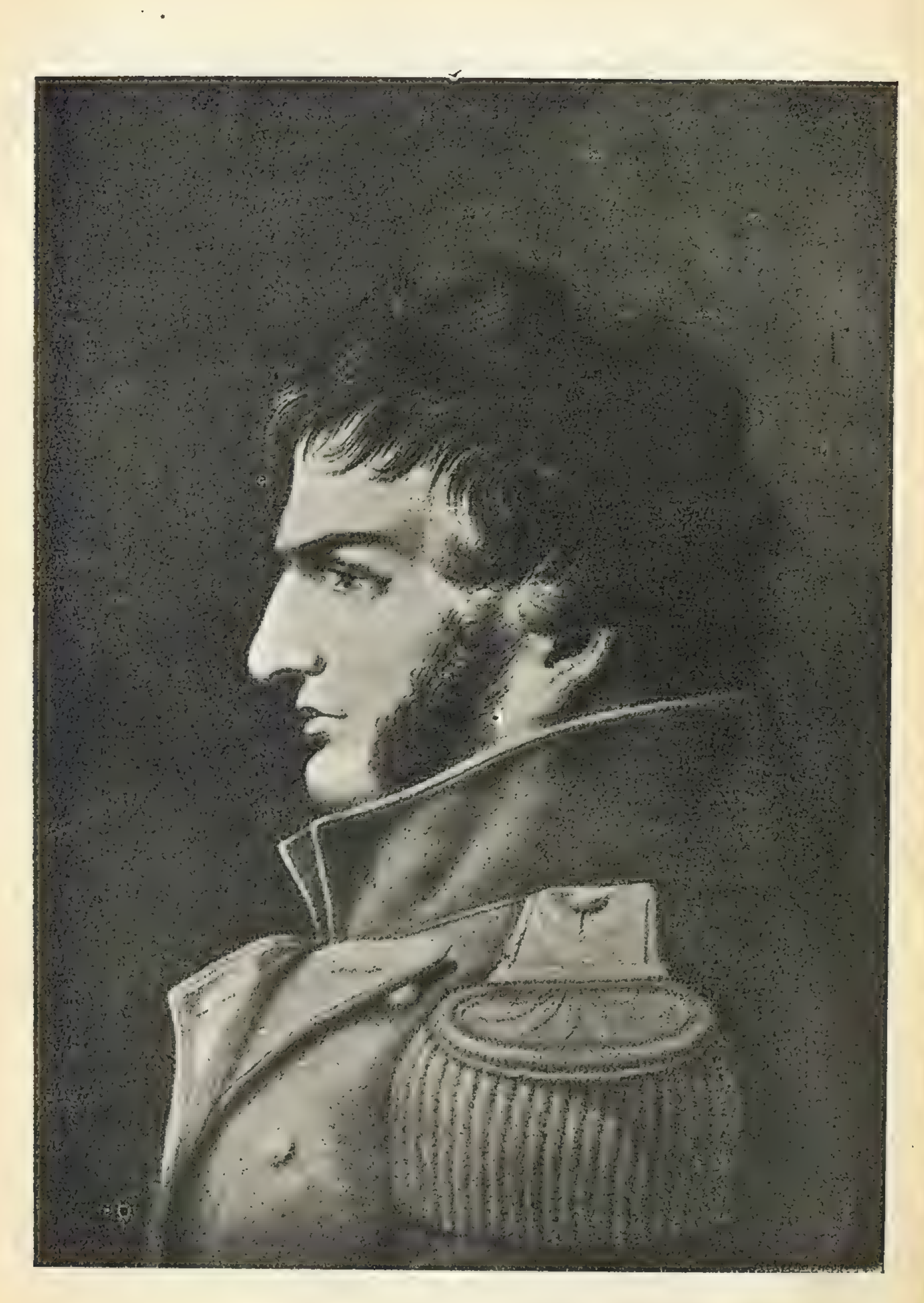
Отношения Ермолова к Грибоедову живо интересовали их современников, судя по дошедшим до нас отголоскам в воспоминаниях партизана Давыдова и некоего В. Андреева, служившего с 1816—1836 г. в войсках отдельного Кавказского корпуса.

Давыдов пишет: „Ермолов, разумевший Грибоедова человеком одаренным блестящими способностями, вполне приятным и любезным собеседником, почитал его,

[1]) Курсив О. Поповой.

[2]) Щук. Сборн. вып. IX, М. 1910 г., Стр. 325.

[3]) Собр. соч., т. III, стр. 198.

А. П. Ермолов.

однако, совершенно безполезным для службы". „Алексей Петрович, неохотно увольнявший в отпуск людей полезных и усердных, дозволял Грибоедову отлучаться часто и на продолжительное время. Он, однако, очень любил Грибоедова"...[1])

Эти слова Давыдова встретили горячий протест со стороны Андреева. „Грибоедов",—пишет он—„чувствуя превосходство своего ума, не мог в тайне не оскорбляться, что он составляет только штат Ермолова по дипломатической части, но не имеет от него серьезных поручений и предпочитается ему какой-то авантюрист Мазарович"[2])...

В заключение приведем мнение о Грибоедове, как о дипломатическом деятеле, его сослуживца, а впоследствии главнокомандующего Кавказом, Н. Н. Муравьева-Карского, которого нельзя заподозрить ни в поверхностном суждении, по свойству его характера, ни в пристрастном отношении к А. С., которого он, на страницах своих записок, так часто осуждает, как частного человека.

„Не заблуждаясь на счет выхваленных многими добродетелей и правил Грибоедова, коих я никогда не находил удовлетворительными, я отдавал всегда полную справедливость его способностям и остаюсь уверенным, что Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте, что он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию, и не найдется, может быть, в России человека столь способного к занятию его места"—пишет Муравьев в своих воспоминаниях уже после трагической смерти Грибоедова. — „Он был настойчив, знал обхождение, которое нужно было иметь с персиянами, дабы достичь своей цели, должен был вести себя и настойчиво относительно к англичанам, дабы обращать в нашу пользу персиян при доверенно-

[1]) Соч., т. I, М. 1860 г., стр. 15.

[2]) Кавказский сборник, Тифлис. 1876 г., т. I, стр. 16.

сти, которую англичане имели в правлении персидском[1]). Он был безкорыстен и умел порабощать умы, если не одними дарованиями и преимуществами своего ума, то твердостью. Поездка его в Тегеран для свидания с шахом вела его на ратоборство со всем царством персидским. Еслиб он возвратился благополучно в Тавриз, то влияние наше в Персии надолго бы утвердилось; но в сем ратоборстве он погиб и то перед въездом своим одержав совершенную победу[2]). И никто не признал ни заслуг его, ни преданности своим обязанностям, ни полного и глубокого знания своего дела!"[3]).

В настоящий небольшой очерк не входит задача давать характеристику дипломатической деятельности Грибоедова в целом, но из рассмотренного здесь нового архивного материала некоторые выводы напрашиваются сами собой.

С тех пор, как Н. Н. Муравьев написал строки, полные упрека в непризнании больших заслуг Грибоедова в области русской восточной политики, — прошло много лет, но и до сих пор деятельности Грибоедова, как дипломата, — не посвящено специальной работы. Это — неслучайно, как неслучайно и то, что Грибоедову, как автору „Горе от ума", уделено в литературе большое внимание.

Говоря о Грибоедове, как о дипломатическом деятеле, необходимо прежде всего помнить, что он вовлечен был в эту деятельность не призванием. Он принял на себя эту обязанность по семейным и материальным

---

1) Муравьев склонен думать, что возмущение персиян против русской миссии в 1829 г. произошло не без участия англичан, опасавшихся влияния Грибоедова на правительство Персии, но не ожидавших впрочем, такого трагического исхода возмущения.

2) Здесь Муравьев говорит о Туркманчайском мире в 1828 г., в котором Грибоед‹о›в сыграл крупную роль.

3) „Р. арх.", 1894 г., № 1, стр. 43—44.

А. С. Грибоедов.

обстоятельствам; позднее к ним присоединился мотив честолюбия. И лишь постепенно, входя в исполнение своих обязанностей, Грибоедов в новых условиях жизни нашел и новые интересы и новые пути для применения своих блестящих дарований. Это удалось ему однако, не сразу: Ермолов, признавая его личные дарования, не надеялся найти в нем для себя полезного помощника и лишь при Паскевиче он получил возможность расширить рамки своей деятельности и проявить себя, как энергичный и честный чиновник.

Лишнее говорить, что деятельность Грибоедова протекала в духе русской оффициальной политики того времени, которая сводилась к расширению границ России на востоке и желанию заключить с восточными народами наиболее выгодные для себя торговые условия. Сравнивая состояние России, которая в ту пору была в зените своей силы и славы, как одна из мощных держав, с состоянием Персии, небольшой, отсталой в культурном отношении страны, — следует признать, что вся русская политика сводилась тогда к желанию захватить и использовать соседнюю, небольшую страну в своих интересах.

Грибоедов принужден был действовать в границах, предуказанных русским правительством. Удержался ли бы он в этих границах—могло бы показать лишь будущее его деятельности, которой не суждено было развиться. Думается, однако, что вряд ли он, по своим личным свойствам, смог бы длительно выдержать тип вполне благонамеренного крупного чиновника того времени. Для этого он обладал слишком большой прямолинейностью, искренностью и честностью, качествами которыми мог похвастаться редкий чиновник Александровской и Николаевской поры. На эти свойства, впрочем, мало было тогда и спроса, ибо власть более благосклонно встречала раболепство, слепое повиновение и исполнение ее предначертаний. Из критики неблаговидных

поступков Мазаровича, из попытки по-своему вступиться за престиж России видно, что для роли слепого исполнителя воли власти Грибоедов был мало пригоден. Рано или поздно, он неизбежно должен бы был вступить в конфликт с властью русской, как столкнулся с правительственными кругами Персии, и личное крушение его было неминуемо. Для успеха на поприще дипломатии еще долго после Грибоедова нужны были не столько таланты, сколько дельцы, умеющие обходиться без своих убеждений и мудро сообразовываться с реальной действительностью. Вряд ли умеренность и даже просто чувство меры — было сильной стороной Грибоедова.

Вот почему грозовые тучи быстро скопились над его головой и разрешились страшной катастрофой.

Декабрист А. А. Бестужев, потрясенный смертью Грибоедова, писал своей матери: „Сколько людей завидовали его возвышению, не имея и сотой доли его достоинств, кто позавидует теперь его паденью? Молния не свергается на мураву, но на высоту башен и на главы гор. Высь души, кажется, манит к себе удар жребия“[1].)

Когда настоящая книга была уже набрана к печати, в собрании Государственного Исторического Музея обнаружилось еще одно неизданное письмо Грибоедова к полковнику Петру Николаевичу Ермолову (Арх. № 986),—двоюродному брату и другу А. П. Ермолова. Писано оно в одну из тревожных минут жизни Грибоедова, когда он в 1823 году, взяв отпуск на несколько месяцев, уезжал с Кавказа с мыслью не возвращаться обратно. На пороге новой жизни, новых планов он оглянулся назад, на годы, прожитые на востоке и увидел, что как ни тяжелы они были для него порою, но

[1]) От 25 мая 1829 г. „Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наук“ 1906 г., кн. 4, стр. 76. Статья Н. К. Пиксанова: „Грибоедов и А. А. Бестужев“.

и в них нашлись воспоминания от которых ему было больно и трудно оторваться. Писалось это письмо к человеку, который вызывал в нем чувство живой, искренней симпатии, к которому он привык обращаться с открытой душой, перед которым не стыдился „плакать, как ребенок“.

„Доброта и общительность“ Петра Николаевича,—по словам составителя книги „Род Ермоловых“, А. Ермолова,—„внушали к нему любовь и уважение всех его знавших“ [1]).—А. П. Ермолов утверждал, что „брата Петра нельзя не любить за его чудесные свойства“ [2]).

Н. Н. Муравьев говорит о П. Н. как о человеке „отличных правил и хороших познаний“ [3]), „который по добродушию своему не знал дурного человека на свете“ [4]), но как служака—был плохой, „не для службы сотворен, тем меньше для того, чтобы быть полковым командиром в полку, где все старые и опытные офицеры. Он хлопочет, приказывает, переприказывает, ничего не прикажет, рассказывает про походы, мечется из угла в угол и малейшее приказание свое считает за нововведение, могущее весьма послужить к просвещению или образованию полка. Между тем, крича целый день, он ровно ничего не делает и не дает другим нечего делать“. [5])

В результате, Грузинский полк, которым он командовал был в таком плохом состоянии, что полковник Копылов, к которому он должен был перейти при производстве П. Н. в генералы (в 1823 г.), „отрапортовался больным, объявил, что он полка принимать не будет и подал прошение в отпуск“. „Весь полк“ — по словам того же Муравьева,—„был разбит в прислугах

---

[1]) А. Ермолов: „Род Ермоловых“, М. 1913 г., стр. 52.

[2]) Там же стр. 52.

[3]) „Р. арх“. 1888 г. №-12, стр. 439.

[4]) „Р. арх“. 1888 г. №-7, стр. 343 и 0351.

[5]) „Р. арх“. 1888 г. №-12, стр. 439.

и по разным должностям, и служба и повиновение почти затеряны. При сем невинная уверенность Петра Николаевича в исправности своего полка усугубляла всю опасность сей приемки. Вот причины, побудившие Копылова к такому поступку". [1])

Жилось за то в Мухровани, которую вспоминает Грибоедов, где стоял Грузинский полк,—весело и непринужденно, как жилось в привольном, барском имении, поставленном на широкую барскую ногу. „... Я провел время свое на Мухровани в совершенной беспечности и отдыхе":—пишет Муравьев—„ели, пили, спали, всякий, как знал, не думая ни о службе, ни о занятии, и я был очень рад отдохнуть таким образом от трудов и забот, занимавших меня так долго. Но бездействие сие начало мне надоедать и вчера я выехал оттуда". [2])

Таков был П. Н. и образ его жизни по отзывам лиц, знавших его коротко. Задушевность письма Грибоедова, в котором он весь—добрый порыв, нужно объяснять поэтому не только его грустным, размягченным состоянием при мысли об отъезде, но и привлекательными чертами личности Ермолова, в котором живые, человеческие чувства, преобладали, очевидно, над чертами, отличного чиновника и офицера того времени.

Таким отличным чиновником представлялся Грибоедову, повидимому, Мадатов, умевший снискать и расположение начальства и Мехти-Кули-хана, пожелавшего его облагодетельствовать. (См. примеч. к п. № 9).

Приношу свою самую глубокую признательность проф. Алексею Евгеньевичу Грузинскому и академику Михаилу Несторовичу Сперанскому за их указания и помощь при моей работе, хранителю отделения Архива Государственного Исторического Музея—Ивану Мем

---

1) „Р. арх". 1888 г. №-9, стр. 36.

2) „Р. арх". 1888 г. №-5, стр. 0117-0118.

ноновичу Тарабрину—за содействие и указание материалов в той или иной мере относящихся к Грибоедову, Елене Владимировне Герье за проверку перевода с французского, а также моим коллегам по Государственному Историческому Музею: М. Ф. Богдановой-Келлат, М. И. Дубовской, К. А. Марцишевской-Розановой за указание материалов по их специальности, что дало мне возможность опубликовать письма Грибоедова из архива Мазаровича, невоспроизведенные еще иконографические материалы и обложку к книге времени Грибоедова (1827 г.).

Приношу свою благодарность также Музею Восточных Культур, предоставившему мне для иллюстрации книги картину маслом: „Селям у Фет-Али-Шаха“.

20/I 1929 г. **О. Попова.**

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД ПИСЕМ.*)

*) Во всех французских материалах соблюдена орфография подлинников.

1.

Симону Ивановичу Мазаровичу.

Mozdoc. le 12 Octobre [1818].

Cher et digne Semen Ivanotch,

Nous voila au pied du Caucase, dans ce vilain trou, où on ne voit, que crotte et brouillard, dont on a par-dessus les oreilles. Si l'affabilité du Général en Chef ne nous dédommageait pas pleinement de ces calamités Mozdochiennes, il y aurait de quoi devenir fou. Le commandant d'ici nous a remis votre lettre, pleine d'aimables souçis, pour ceux, que Vous voulez bien appeller Vos camarades, et qui au fond ne sont que Vos sous-ordres. Le fait est, que depuis que je Vous appartiens en qualité de secrétaire, je ne trouve pas la dépendance d'un pauvre sous-employé de Chancellerie, aussi dure, que je me l'etais persuadée.—Pure bil[l]evezée, ce dont je suis encor[e] plus convaincu du jour, que je me présentai à Son Excellence Mr le Proconsul de l'Ibérie, on n'est pas plus entrainant. Ce serait naturellement une folie de ma part, si dans deux fois, que je l'ai vu, j'eusse voulu app[r]écier au juste son mérite, mais il y a telles qualités, qui dans un homme hors du commun, percent au premier abord, et cela dans les choses de la moindre apparence, c'est par exemple une manière a soi de voir, et de juger de tout, avec beaucoup de sel et de grâce, sans être superficiel, toujours au dessus de l'objet, dont il est question; il faut aussi convenir, qu'il a un parler charmant, ce qui a fait que je

reste court en causant avec lui, en dépit de l'assurance, que me donne mon amour propre.

Quant à Vous, mon très aimable Chef, j'aurais au bien envie de détailler ici amplement tout ce que je pense de Vous, mais il faudra mieux se taire la dessus, pour ne pas encourir le reproche de fadeur, il n'est pas séant d'admirer les gens dans les lettres, qu'on leur adresse. Je Vous dirai seulement, qu'il me tarde bien de vous embrasser cordialement, aussi de quoi Vous mêlez Vous, agent Diplomatique de traîner dans les camps des jours, qui ne devraient être consacrés, qu'au maintien de la paix? Une fois ensemble je Vous conterai au long nos misères en route: les équipages cent fois brizés, cent fois racommodés, les longues stations, auxquelles cela nous a engagé, et les énormes dépenses, qui nous ont réduit aux abois. Voilà le récit, qui Vous est reservé pour Tiflis, aujourd'hui nous nous acheminons vers le Caucaze par un tems affreux, et a cheval. Combien souvent j'aurai occasion de m'écrier: o Coridon, Coridon, quae te dementia caepit!...

Cela ne sera pourtant que jusqu'au moment, que nous Vous reverrons. Amburger se recommande à Votre souvenir, il ne Vous écrit pas, n'ayant pas autre chose à dire, que ce que je Vous ai mandé, aussi veuillez bien lire nous partout, oú Vous trouverez un je, me, moi etc.

C'est avec les sentiments d'une parfaite considération, que j'ai l'honneur d'être

Votre très devoué.

(Подпись Грибоедова—по персидски).

Cela ne sera pourtant que jusqu'au moment que nous Vous reverrons. Amburger se recommande à Votre souvenir, il ne Vous écrit pas n'ayant pas autre chose à dire que ce que je Vous ai mandé, aussi veuillez bien lire nous partout, où Vous trouverez un je, me, moi. etc.

C'est avec les sentiments d'une parfaite considération, que j'ai l'honneur d'être

Votre très dévoué

Celui, que j'aurai prié de se charger de cette

Автограф А. С. Грибоедова.

Celui, que j'aurai prié de se charger de cette lettre Vous en portera une autre de maman. J'ai eu outre beaucoup d'autres couverts pour Vous avec des ballots. Passez moi mon griffonage, nous n'aurons que des plumes mal taillées, de la méchante encre, et puis je suis très pressé, ne sachant pas trop pourquoi.

Симону Ивановичу Мазаровичу.

Моздок. 12 октября [1818 г.]

Дорогой и достойный

Семен Иванович [1]*),

вот мы и у подножия Кавказа, в этой гадкой дыре, где видишь только грязь и туман, в котором мы сидим по-уши. Если бы за эти Моздокские бедствия нас не вознаграждала вполне приветливость главнокомандующего

*) Примечания к письмам см. стр. 95—115.

то было бы отчего сойти с ума. Здешний комендант[2]) передал нам ваше письмо, полное любезных забот о тех, кого вы изволите называть вашими товарищами и которые в действительности только ваши подчиненные. Факт тот, что с тех пор, как я принадлежу вам в качестве секретаря, я не нахожу, чтобы зависимость бедного канцелярского чиновника было так ужасна, как я себе представлял. Это чистый вздор, в этом я еще более убедился, когда представлялся его превосходительству г. проконсулу Иберии: нельзя быть более привлекательным[3]). Было бы действительно безрассудством с моей стороны считать, что я мог оценить по справедливости его достоинства в те два раза, что я его видел, но есть такие качества в незаурядном человеке, которые обнаруживаются с первого раза и как раз в вещах на вид мало значительных: в особенной манере смотреть, судить обо всем тонко и изящно, но не поверхностно, а всегда оставаясь выше предмета, о котором идет речь; нужно сознаться также, что говорит он превосходно, отчего в разговоре с ним я должен бываю прикусить язык при всей своей самолюбивой самоуверенности.

Что касается вас, любезнейший начальник, то у меня есть большое желание поговорить подробно и пространно обо всем том, что я думаю о вас, но лучше помолчать об этом, чтобы не навлечь на себя упрека в пошлых комплиментах: неприлично восхищаться людьми в письмах по их же адресу. Я только скажу вам, что жду не дождусь минуты, когда сердечно обниму вас и попеняю вам зачем вы, дипломатический агент, ведете лагерную бивуачную жизнь, когда ваши дни должны были бы быть посвящены только поддержанию мира.

Как только мы будем вместе, я расскажу вам подробно о наших дорожных злоключениях; об экипажах сто раз разбитых и сто раз починенных, о длин-

ных стоянках ради починки, об огромных издержках, которые довели нас до крайности. Вот рассказ, который отложен до Тифлиса, а теперь мы направляемся к Кавказу в ужасную погоду и верхом. Как часто я буду иметь случай восклицать: о Coridon, Coridon, quae te dementia caepit!..[4]).

Это будет, однако, только тогда, когда мы увидимся. Амбургер просит напомнить вам о себе; он не пишет вам сам, потому что ничего не имеет сказать такого, о чем бы я вам не писал, поэтому соблаговолите подразумевать мы повсюду, где вы найдете: я, меня, мне... и т. д.

С чувством совершенного уважения имею честь быть преданным вам

(Подпись Грибоедова—по персидски).

Тот, кого я буду просить передать это письмо, вручит вам еще и другое от матери. У меня есть, кроме того, много других пакетов для вас с тюками.

Простите мне мои каракули; у нас только дурно очиненные перья, плохие чернила, и потом я очень тороплюсь, сам не зная почему.

2.

Симону Ивановичу Мазаровичу

[Не позже 5 сентября 1819 г.].

Cher et digne Semon Ivanotch, je ne songe vraiment qu'à Vous, car me voilà en train, je sais à peu près à quand le terme de mes propres inquiétudes, tandis que Dieu sait s'il se réglera jamais le Chaos, dans lequel je Vous ai laissé. Mille souhaits pour Votre tranquillité future, voilà ce que je Vous envoye. Embrassez le cher Spiridion. J'ai 168 hommes frais et dispos, gare aux malveillants, qui voudraient me jouer en route. Напомните Шамиру, чтобъ онъ взялъ росписку съ Армянина въ 7 ½ червонцевъ

c'est l'argent que j'ai envoyé avec Chémir à l'armenien pour fromage, vin etc. Je ne l'ai pas payé, à Tabriz, car j'ai cru, qu'il m'accompagnerait.

Pour l'amour de moi, qui Vous suis vraiment dévoué, n'altérez pas Votre santé en Vous fâchant contre les animaux, dont Vous êtes entournez. Bonne nuit. Dieu vous bénisse.

Chémir se recommande à Vos bontés, voyez le fou, on disait qu'il ne reste pas près de Vous.

Симону Ивановичу Мазаровичу.

[Не позже 5 сентября 1819г.].

Дорогой и достойный Семен Иванович!

Я поистине думаю только о вас, потому что я уже в пути и приблизительно знаю, когда кончаются мои собственные беспокойства, тогда как, бог знает, когда придет в порядок тот хаос, в котором я вас оставил. Тысячу пожеланий! Спокойного будущего — вот то, что я вам посылаю. Обнимите дорогого Спиридона. У меня 168 человек[1]), свежих и бодрых. Берегись недоброжелатели, которые захотели бы поиграть со мной в дороге. Напомните Шемиру[2]), чтоб он взял расписку с армянина в $7^1/_2$ червонцев; это деньги, которые я послал с Шемиром армянину за сыр, вино и пр. Я не заплатил ему в Тавризе[3]), потому что я думал, что он поедет со мной.

Ради любви ко мне, который вам действительно предан, не портите себе здоровья, раздражаясь против животных, которыми вы окружены[4]). Доброй ночи, да благословит вас бог.

Шемир поручает себя вашей доброте — посмотрите на сумашедшего! Был слух, что он не останется при вас.

3.

Милостивому Государю Его Высокоблагородию Господину Российско-Императорскому поверенному в делах Семену Ивановичу Мазаровичу.

В Таврисе.

На письме рукою С. И. Мазаровича пометка:

„Reçue le 8 Septembre 1819".

№ 1.

Rapport à Monsieur le Chardé d'Affaires de Russie en Perse de son sécrétaire Alexandre Griboedoff.

Monsieur.

Voici deux marches faites. Aujourd'hui nous reposons; on ne me donne pas de vivres, j'en achette. Le Mehmendar est un bourreau, un voleur, qu'on m'a associé exprès je pense pour me faire crever de rage. A Alvar il n'a donné en pain, que la moitié et en viande, que le tiers de ce qui est dit dans le firman, pour le reste il a levé contribution en veaux, par lui empêchés. Quand je l'eus vertement grondé, il s'excusa sur le peu de moyens du pauvre village Alwar, me faisant entrevoir à Marand un Eldorado pour mes gens: je me tus. Hier à 2 heures après minuit mon dépôt se mit en marche, je restai 3 minutes pour dire adieu à Chémir, mais trois minutes à la lettre. Je demande à suivre mes gens, le Mehmendar reste, apparemment pour compléter sur les paysans le déficit de la veille, me donne un guide, qui me fait perdre mon chemin, j'ai erré toute la nuit et une partie du matin, le Mehmendar survenu, j'ai manqué l'assommer. Exténué de fatigue, j'ai enfin recouvré ma troupe, un malade était tombé en arrière à 2 farsanges de là, durant ma course nocturne, le bagage avait fortement devancé les piétons pas un âne, pas une bête de somme

sous main. Je demande au Mehmendar un mulet de Sophian, près du quel nous déjeunâmes au pain et à l'eau.—Un mulet!..... pourquoi?—Pour me rammener le malade etc. Dieu présérve! Que je vous aide à ramasser vos gens, restés en arriere, le Chahzadé me couperait la tête!"—Enfin il me refusa net, et me dit, que l'homme en question aura déjà été ammené à Tabriz, on en cas d'opposition tué par les villageois, que tels sont les ordres précis du Gouvernement. Voyez les traîtres!

Cela aux dépens du malheureux malade pérdu, fit pourtant son éffet sur mes gens, auxquels je dis, et répetais, le Mehmendar présent, ce que je tenais de lui. Ils furent indignés, ne se disséminèrent plus, et nonobstant la marche faite, des montées et déscentes vraiment rudes, pierreuses, à peine praticables, je les ai ammené tous ici à Marand à 7 heures le soir. Veuillez compter de 2 heures après minuit jusqu'à 7 après midi. Le repos aujourd'hui m'est commandé par le voeu unanime, comme par l'état de mes soldats, je ne me serais point arrêté, si je ne les susse cassés de lassitude.

J'ai sommé celui, qui commande ici ad interim pour Nazrali—Khan, d'envoyer chercher le malade (Левонтий Сарбовъ). Il ne fit aucun cas de cela. Ici comme à Alvar la moitié des vivres a manqué, aujourd'hui on ne donne rien, mais je Vous prierai de Vous taire sur les fripponeries du Mehmendar jusqu'à son retour á Tabriz, je Vous l'enverrai avec une lettre de reccomandation. Que toutefois mon juste dépit ne déborde point avant le tems, et qu'arrivé à la frontière je ne le fasse fustiger, le seul langage entendu dans ce pays.

Agréez les sentiments de la plus parfaite Soumission

Monsieur

de Votre très obéissant

Alexandre Gribojedoff.

№ 1.

Marand. 6 Septembre. 1819.

Милостивому Государю его Высокоблагородию Господину Российско-Императорскому поверенному в делах Семену Ивановичу Мазаровичу

в Таврисе.

На письме рукою С. И. Мазаровича пометка: „Полученно 8 сентября 1819 г.“.

№ 1.

Рапорт г. поверенному в русских делах в Персии. его секретаря Александра Грибоедова.

Милостивый Государь!

Два перехода сделаны. Сегодня мы отдыхаем; мне не дают припасов; я их покупаю. Мехмендар[1]) — это палач и вор, которого мне подсунули нарочно, я думаю, для того чтобы я лопнул от ярости. В Альваре он дал только половину хлебного провианта, а мяса только треть того, что определено по фирману[3]), наконец он отменил контрибуцию мелким скотом, которой препятствовал. Когда я с ним крепко побранился, то он сослался на небольшия средства бедного селения Альвара, соблазняя меня тем, что в Маранде[4]) я встречу Эльдорадо[5]) для своих людей, и я смолчал. Вчера, в 2 часа ночи мой обоз тронулся в путь; я остался на три минуты, чтобы проститься с Шемиром[6]), на три минуты буквально. Хочу следовать за моими людьми, но Мехмендар остается, очевидно, чтобы пополнить с крестьян вчерашний дефицит; он дает мне проводника, с которым я сбился с дороги и я проплутал всю ночь и часть утра, когда подоспел Мехмендар; я чуть его не убил. Изнуренный усталостью, я нашол, наконец, свой отряд. Один больной свалился в 2-х фарсангах[7]) отсюда во время моего ночного отсутствия, багаж сильно опередил пешеходов, ни осла, никакого вьючного животного под рукою. Я прошу у Мехмендара мула из Софияна[8]), близ которого мы позавтракали

хлебом и водой. — „Мула!.. Зачем?“ — „Чтобы доставить больного“. — „Боже сохрани, чтоб я помогал вам подбирать ваших отсталых людей; Шах-заде[9]) мне отрежет голову!“ Наконец, он отказал мне наотрез, сказав, что человек, о котором идет речь, или уже доставлен в Тавриз, или же, в случае сопротивления, убит поселянами, ибо таков приказ правительства. Вот предатели! Такие слова по адресу несчастного, потерянного больного оказали свое действие на моих людей, которым я передал и не один раз в присутствии Мехмендара то, что узнал от него. Они были возмущены, больше не разбегались, и, не взирая на пройденный путь, на подъемы и спуски действительно тяжелые и каменистые, едва проходимые, — я привел их всех сюда в Маранд к 7 часам вечера. Соблаговолите сосчитать: от 2-х часов ночи до 7 часов вечера. Сегодняшний отдых вызван общим единодушным желанием, а также состоянием моих солдат; я бы совсем не остановился, если бы не видел, что они разбиты от усталости.

Я потребовал от того, кто распоряжается здесь временно (ad interim) за Назр-Али-хана[10]) послать на поиски за больным (Левонтий Сарбов). Он не обратил на мои слова никакого внимания. Здесь также, как и в Альваре не доставлено половины продуктов; сегодня ничего не дают, но я попрошу вас молчать о плутовстве Мехмендара до его возвращения в Тавриз; я пошлю его к вам с рекомендательным письмом; пусть мое справедливое негодование не перельется через край прежде времени и я по приезде за границу не велю его высечь: это единственная речь, которую понимают в этой стране.

Примите чувства совершеннейшего уважения, Милостивый Государь, от покорнейшего.

Александра Грибоедова.

№ 1

Маранд 6 сентября 1819 г.

4.

Симону Ивановичу Мазаровичу.

Rapport à Monsieur le Chargé d'Affaires de Russie en Perse.

На донесении рукою С. И. Мазаровича пометка: „Reçue le 18 Septembre 1819".

Monsieur

Je ne sais, si Vous avez reçu mes deux Rapports: № 1 et 3, ne me refusez pas de m'en instruire par le premier Tcheper que Vous enverrez à Tiflis; pour que je puisse un jour récapituler mes griefs contre la manière, dont on a procédé avec moi. En attendant le Mehmendar a l'impudence de me demander un papier pour Vous le remettre. Après toutes les avanies, que j'en ai enduré, il voudrait un certificat, et je ne m'y refuse pas. Monsieur, j'ai donc l'honneur de certifier à vous, mon Chef, que mon Mehmendar Mahmad Beg a rempli sa charge près de moi en coquin, le plus fieffé, auquel j'aie jamais eu à faire, malhonnête homme dans la plus vaste signification du terme, et le ministère de Tabriz s'il veut en quelque sorte se disculper de me l'avoir apporté, doit au moins lui faire appliquer sur les plantes des pieds la correction, qu'on est dans le pays si prodigue à donner, et si habitué à recevoir. Oui, j'ai sérieusement à me plaindre de lui, comme de plusieurs autres officiers Persans depuis Tabriz. Mais pas une âme vivante ici ne saurait former des plaintes contre moi, à moins de les forger. Si j'ai répondu avec fiel aux bêtises, que m'envoyait dire Kelbel Khan à Nahetchivan, ce n'était toujours, que très délicat en revanche de ses grossiéretés, si j'ai quelquefois amèrement apostrophé le Mehmendar, ce n'étaient pas encore des coups de bâton, qu'il a cent fois mérité. Mais on nous jettait des pierres et je cachai sous un silence étudié vis-à-vis de mes propres gens la rage, qui me suffoquait, et ils se tenaient tranquilles. Nous passions en plein midi près des bostans immenses, tou-

jours dévastés par la soldatesque du Prince, au nom duquel on commet ici les extorsions et rapines en tout genre, mais personne des miens n'a osé cueillir un melon sans le payer, ou sans que je le fisse pour eux, á quoi je me prêtais volontièrs et souvent, car refuser au piéton fatigué le fruit, qui désaltère, par la saison actuelle, aurait été d'une avarice sordide, peu faite pour encourager les gens á me suivre. Enfin, Monsieur, j'ai constamment eu présentes á ma pensée Votre fermeté, comme Votre modération á la cour du Schah, et à celle du Naib-Soultan. Et moi aussi j'ài eu assez bonne contenance, l'on ne m'a pas joué, mais piqué, comme j'étais, je ne me suis pas laissé aller au delà de ce qui est préscrit par la saine raison, je n'ai offensé personne. Et si on Vous le rapportait différemment, ce ne serait que fausseté, j'ose Vous en répondré de mon honneur.

Maintenant pour Vous tenir au courant de ce qui m'arrive, je Vous entretiendrai de Nahetchivan. On m'y a cloué, pour ainsi dire, deux mortels jours. Le premier vers le soir on apporta quelques vivres, on ne donna rien le lendemain, on me refusa le chevàux, on défendit sévérement aux Tchervadars de m'en fournir pour de l'argent. Le Mehmendar me protéstait que tout ce brouillamini provenait du Khan, le Khan objectait, que le therme du Fermandéchu à Nahetchivan, il ne se souciait pas de moi, que même nous n'avions aucune protection légale dans sa ville, et indirectement on me faisait avértir, que je pourrai très bien être mis aux arréts jusqu'á nouvel Ordre de Tabriz. A mon arrivée Kelbel-Khan refusa de me voir, s'excusant sur son harem, où il était fourré pour le moment. Il m'assigna une entrevue pour le lendemain, je fus une heure et demie chez lui à l'attendre, sans qu'il parût, et enfin il me fit congédier pour des raisons trop oiseuses, pour que je les répéte ici. C'est pourtant de ce grossier personnage, que vous disiez du bien, Monsieur. Je ne sais au fond ce que les Persans conspiraient, mais voilà ce que je fis. Le premier jour mes gens ce sont jettés sur la liqueur forte, que les Arméniens apprêtent, j'avais trop de

besogne pour songer à les empêcher, mais le soir ayant en avis, qu'on éparpillait mon monde à dessein, pour les enivrer, leur faire tenir quelques tomans, et me les enlever ensuite; je les ai rassemblés tous autour de moi, j'ai mis bonne garde autour de mon logement, la nuit je me suis levé en sursaut, j'ai passé en revue tous, tant qu'ils étaient, je fis lier quelques uns pour un peu de bruit, qu'ils avaient fait entre eux, me montrant plus fâché, que je ne l'étais, je les ai morigéné vertement, menaçant pour le lendemain d'une sévérité exemplaire ceux, qui prendraient une goutte d'eau de vie ou feraient les mutins, et de les livrer ensuite garrotés au Gouvernement Persan, dont ils connaissaient les dispositions favorables à leur égard, je leur fis entendre, qu'eux avaient besoin de moi, mais que je n'avais proprement aucun intérêt majeur, et nulle résponsabilité pour leur conservation. Cela ressemblait beaucoup à un discours de Bonaparte aux députés de Province en 1814. Néanmoins cette Napoléonade a mis tout le monde à la raison. Tout fut calme, personne le lendemain ne s'avisa de me demander à le laisser au Bazar, on ne but point. Comme les chemins d'ici au Karabagh sont réputés très peu surs sous tous les rapports, et que je ne m'attendais pas à un convoi de sureté de la part du Gouvernement, j'ai fait vîte monter en fer une cinquantaine de lances, que je distribuai à ma bande. Mauvaise arme, mais pouvant servir de défense contre un Aboul-Feth-Khan, ou ce brigand Georgien Aléxandre, qui est toujours au guêt ici à l'entour contre tous ceux des nôtres, qui vont et reviennent.

Encor[e] grâce à Mirza Mamiche, employé au Tcheperkhané, auquel j'ai promis de le recommander à Votre bienveillance; j'ai trouvé secrettement 6 cheveaux pour la nuit, car le jour personne ne se serait avanturé de me les produire, c'est à peine ce qui me suffisait pour les malades, mais le cas était pressant, et hier vers les 10 heures du soir je sortis mon monde. Nous avons ce qui vigoureusement s'ap-

pelle fui à l'insçu [1]) du Khan et du Mehmendar, personne ne savait le chemin, que je prendrai, excepte un guide, que j'avais attrapé. Mais ce départ nocturne me devint funeste. La première fatalité m'advint près d'un pont, en ville encore. Wassilkof, chargé de crimes, ayant passé les baguettes en Russie, me suivait avec la foule de Tabriz. Il se disait souffrant d'un rumathisme au genou, je l'ai soigné par préférence, ne le faisant jamais démonter de dessus un gros ballot d'effets moëlleux, lui frottant régulièrement le genou avec du rum, et l'envellopant contre la fraicheur de nuit. Il se jetta maintenant à bas de son cheval, et me dit, que sa maladie l'empêchait d'aller plus loin, je lui proposai de lui arranger plus commodément sa monture, je lui donnai mon prorpe cheval, je voulai le faire porter par ses camarades, tout fut en vain, il me dit avec une froide résignation, qu'il ne me suivrait pas, que j'etais en droit de le tuer. Certainement je l'étais, mais un tel coup, quoique de justice répugne à l'homme sensible. J'appesai [2]) les autres, je leur ai masqué l'affaire comme j'ai pu, et il fut abandonné à son sort, aussi les Persans ne manqueront pas de l'achever. Nous traversâmes trois riverets, assez larges et profonds, cela mit du désordre à plusieurs reprises. Je m'arrêtai pour contrôler si personne ne manquait, 2 ne furent point trouvés. Représentez vous mon inquiétude, c'était à 5 verstes à peu près de la ville. Je fis halte; je fis dormir les uns, veiller les autres, et moi avec Joussouf (de Bagdad) nous gallopâmes en arrière, à la recherche, je haussai la voix, je les appellai par leur noms, Joussouff de même: — pas de réponse, hors l'Ali de quelques Tatares rodants. Une muette stupeur s'est emparée de moi. Dieu merci nous ne perdîmes pas le chemin, mais je revins désespéré. Ils se seront soulés, me dis-je, pendant la confusion au départ, et leurs raison, comme leurs forces

---

[1]) Правильно: insu.

[2]) Правильно: j'apaisai.

les eurent trahis, j'envoyai encore après eux 3 hommes, armé et à cheval, cela a duré jusqu'à l'aube du jour. On me rammena l'un d'eux, ma supposition s'est verifiée, il s'était muni d'un pôt de vin en ville. L'autre est perdu peut-être à jamais. Son nom est L a r i n, beau garçon, un air, qui inspire de la confiance, docile, seulement enclain à boire. Si vous apprenez, qu'on l'aura remmené à Tabriz, songez à le délivrer. Je suis fort peiné pour lui.

A-propos du nombre de ceux, que je conduis, je n'ai pu le vérifier, que parti d'Alvar, á moitié chemin. La veille on m'avait inséré dans la liste les noms de ceux, qui sont restés détenus au Méidan. Le nombre effectif s'est trouvé être 158, moins un, (dont j'ai eu l'honneur de Vous faire mention dans mon rapport № 1), deux de perdus depuis Nahetchivan, restent 155, Waguin excepté, que je ne mêle point avec les autres.

Aujourd'hui, á la pointe du jour, je me suis reconnu dans le même vallon, qui s'étend du défilé prés de l'Araxe, jusques Nahetchivan, seulement plus au Nord-Est. Nous nous enfonçâmes dans les montagnes, et après quelques heures de marche, je suppose une affaire de 4 farasanges et demi, nous nous vîmes tout près du fameux r o c h e r d e s s e r p e n t s, delà nous sommes montés dans le village appellé Kazantchi, c'est d'où je vous écris. Il me reste pour demain 8 pharasanges, à ce qu'on dit, d'un chemin montagneux et rabotteux, jusqu'à P i r n a v o u t, qui est à nous. Et si nous y parvenons sains et saufs, je dirai, que les Persans n'ont pas même assez d'esprit pour nuire, autant qu'ils le voudraient.

Figurez Vous, que je n'ai encore trouvé personne pour envoyer chez notre commendant aux frontières. Hier s'est presente à moi un homme de G a r o u s s e, où est stationné le premier poste Russe. Il y retournait avec une caravanne, je voulais le charger de ma lettre, et pour ce petite office il me demanda 50 veaux! A cette demande exhorbitante, et n'ayant aucune garantie pour sa fidélité, j'ai mieux jugé le

renvoyer, après avoir noté son nom dans mon journal. Que le vile engeance, que ces Arméniens! Aucun d'eux n'a voulu me savoir, et toujours nous soufflant à l'oreille, que nous sommes leurs protecteurs in spe. Beaux protégés! Ils nous vendent à ces mêmes Persans, qui sont prêts à les crucifier, à les bouillir à toute sauce dernièrement encore ils en ont brûlé 2 à Nahetchivan.

Je vous aurais écrit encor[e] plus longuement, Monsieur, sachant l'intérêt, que Vous prenez à ma position actuelle, mais mal accoudé, sur le plancher, le tas d'insectes venimeux, qui me font sauter en l'air toutes les fois, qu'ils rampent jusques sur ma lettre, le vent, qui à chaque instant m'éteint la bougie, enfin la lassitude, et une nuit blanche, que déjà je viens de passer pour Vous faire mon rapport, tout cela ne me permet pas de lier 2 idées de suite, et Vous me pardonnerez mon griffonage. Quoique je Vous aie dit au commencement de la presente mon opinion sur le Férman du Chahzadé, qui porte à me laisser sans secours à Nahetchivan, sur la mauvaise volonté de Kelbel-Kahn, et sur la duplicité de Mahmad Beg, Vous en ordonnerez, Monsieur, ce que Vous voudrez, je n'ose pas anticiper sur le jugement, que Vous porterez là dessus, et quand même Vous trouveriez nécessaire de ne point produire cette affaire au jour, ce n'est pas moi, qui en serai marri, car après tout, je me vois presque au bout de mes peines. Me voilà déjà très content d'avoir fait trotter le Mehmendar jusques Karababa, ne m'y ayant pas trouvé, il revint en hâte ici, très étonné de me voir prendre un autre chemin, que celui, qu'il m'avait indiqué. Je lui ai observé, que s'il eut eu tant soit peu de soins pour moi, il m'aurait mené ici droit du passage de l'Araxe, me faisant gagner par là 3 jours, et combien de fâcheries cela ne m'aurait-il pas sauvé! Il me quitte et je ne me sentirai pas abandonné à son départ. Sa conscience, qui lui dit rarement quelquechose, lui fait redouter, s'il me suit à Pérnavout, que par représsailles je ne le fasse maltraiter. Le misérable ne conçoit pas, qu'une fois sur notre térritoire,

aucun ressentiment ne m'obligerait à violer les devoirs de l'hospitalité, cette vertu si chère à tout homme de mon pays

Agréez les sentiments de plus parfait dévouement

Monsieur

de Votre très obéissant Alexandre Gribojedoff.

№ 4.

11 Septembre. 1819.
Kazantchi.

P. S.

Pernaout. 13 Septembre.

J'ai spéculé, Monsieur, sur les pressantes instances du Mehmendar, qui absolument voulait un papier de moi, comme un titre pour pariatre devant Vous. C'est pour ne pas Vous laisser en doute sur mon arrivée à la frontière, que je n'ai pas fermé la présente à Kazantché, et me suis fait suivre par un homme de Mahmad Beg. Tout cela est mal sûr, car le vilain m'a déjà fait payer 2 ducats à Nahetchivan pour un courrier à Tabriz, et s'étant, je crois, approprié le sonnant, je tiens de lui même, que le paquet en question est enco[r][e] entre ses mains. Il m'a fait trente histoires pour se justifier, qu'il Vous les conte! Cependant veuillez être instruit, que je Vous ai envoyé mon premier rapport de Marand № 1, le second de Nahetchivan, № 3 et ce troisième d'ici Pernaout, village Arménien, relevant de Mehté Kouli-Kahn, sous la domination Russe. C'est hier 12 du mois, que par un défilé le long de la rivière Alindja, nous parvînmes à une montagne, dont un côté est à l'Iran, et l'autre à nous. Elle paraissait s'élever à l'infini, nous fûmes deux heures à la gravir, et ce n'est qu'au sommet, que nous grimpâmes ad status, quod ad passatum. De là jusqu'ici il n'y a qu'un saut. Bénit soit Dieu! mon expédition est à moitié remplie. Puissiez Vous en dire autant, Monsieur, de Votre gestion, dont l'issue future est trop ténébreuse, pour qu'à

l'avenir je sois tranquille sur Votre compte. Vous avez maintenant beaucoup de Sujets Russes, porteurs quand Vous voulez, de Vos lettres pour Tiflis. Daignez m'écrire je Vous en prie.

Pour l'amour de l'impartialité, ne feriez Vous pas valoir près du Naïb-Sultan les services à moi rendus par le Sultan de Sarbazes à Gargare et par Mirza Mamiche à Nahetchevan?

La lettre ci-incluse est adressé à Chémir.

Симону Ивановичу Мазаровичу.

Рапорт г. поверенному в русских делах в Персии.

На донесении рукою С. И. Мазаровича пометка: „получено 18 сентября 1819 г.".

Милостивый государь,

я не знаю — получили ли вы 2 моих рапорта № 1 и 3; не откажитесь известить меня о том через первого чепара[1]), которого вы направите в Тифлис, для того, чтобы я мог вкратце повторить мои обиды против манеры обращаться со мной. Пока же Мехмендар[2]) имеет наглость просить у меня бумаги для вручения вам. После всех оскорблений, которые я вынес, он хочет еще и свидетельства; я не отказываюсь от этого. Милостивый Государь, я уже имел честь свидетельствовать перед вами, своим начальником, что мой Мехмендар Махмед Бек выполнил свои обязанности по отношению ко мне, как самый отъявленный мошенник, с каким я когда-либо имел дело, и безчестный человек в самом широком смысле слова и если Тавризское правительство хочет сколько нибудь оправдаться в том, что направило его ко мне, оно должно по меньшей мере, отколотить его по пяткам, что так щедро раздается в этой стране и так привычно принимается[3]). Да, мне приходится серьезно жаловаться на него, как и на несколько других персидских офицеров, начиная от Тавриза. Но не единая живая душа не смогла бы предъявить жалобу на меня, разве только выдумавши ее.

Если я отвечал едко на глупость что мне посылал сказать Кельбель-хан[4]) в Нахичевань[5]), то это было всегда очень деликатным в сравнении с его грубостями, и, если я иногда горько бранил Мехмендара, то это всетаки не были удары палкою, которых он уже сто раз заслуживал. В нас бросали камнями[6]), но я скрывал под намеренным молчанием, ради моих собственных людей, душившую меня ярость и они держались спокойно. Мы проходили среди белого дня мимо безконечных огородов, постоянно опустошаемых солдатами принца, именем которого, совершаются здесь всякие вымогательства и грабежи но никто из моих людей не осмелился сорвать дыню не оплативши ее, или без того, чтобы я сам сделал это за них, на что я охотно и часто соглашался, потому что отказать усталому пешеходу во фрукте, который утоляет жажду в настоящую пору года было бы отвратительной скупостью, мало поощряющей людей к тому, чтобы они следовали за мной. Наконец, Милостивый Государь, передо мною неизменно стоял пример вашей стойкости и сдержанности при дворе шаха[7]) и Наиб-Султана[8]). Я также имел достаточно твердости и мной не играли, но даже раздраженный, каким я не раз бывал, я не позволял себе выходить за пределы здравого рассудка и не оскорбил никого. И, если до вашего сведения доведено не то, то это чистая ложь — позвольте ручаться вам в этом своей честью. Теперь, чтобы держать вас в известности относительно того, что со мной происходит — я расскажу вам о Нахичевани. Там меня, так-сказать, приковали на два отчаянных дня. В первый день к вечеру принесли некоторое количество провианта, не дали ничего на следующий день и отказали мне в лошадях, строго запретив червадарам[9]) снабжать меня ими за деньги. Мехмендар меня уверял, что весь этот безпорядок происходит от хана, хан возражал, что на протяжении от Фермандеша до Нахичевани он не

обязан был заботиться обо мне, что мы не пользовались никаким законным покровительством в его городе, а стороною мне дано знать, что я вполне могу быть взят под арест до нового приказания из Тавриза. По моем приезде Кельбель-хан отказался меня видеть, ссылаясь на обстоятельства своего гарема, где он спрятался в это время[10]). Он назначил мне свидание на другой день; я полтора часа ждал у него приема, не дождался, и, наконец, он приказал отпустить меня отговорившись явно бездельными причинами, которых не стоит повторять здесь. Однако, об этом грубом персонаже вы, государь мой, отзывались неплохо. Я не знаю в сущности, чего добивались персы, но вот что я сделал. В первый день мои люди набросились на крепкие напитки, которые приготовляют армяне; я был слишком занят, чтобы им помешать, но вечером, догадавшись, что моих людей рассеяли умышленно, чтобы их напоить, раздать им несколько томанов[11]) и затем отобрать их у меня, — я собрал всех своих, поставил надежную стражу вокруг дома; ночью я поднялся внезапно, произвел всем личный осмотр, приказал связать нескольких, которые слегка пошумели между собой, показывал вид, что очень рассержен, крепко их прошколил, угрожая примерно наказать тех, кто завтра возьмет в рот хотя бы каплю водки или будет бунтовать, и, затем передать их в колодках персидским властям, благосклонность которых к себе они знали. Я дал им понять, что они нуждаются во мне, но что у меня собственно нет никакого особенного интереса, ни ответственности в их целости и невредимости. Это было очень похоже на речь Бонапарта к провинциальным депутатам в 1814 г. Тем не менее эта Наполеонада образумила всех. Все успокоились и на-завтра никто не решился отпроситься на базар, никто не пил. Так-как дороги отсюда до Карабага[12]), по рассказам во всех отношениях, мало надежны, и, так-как я не мог расчитывать на поря-

дочный правительственный конвой, то я наскоро приказал оправить в железо штук пятьдесят копий, которые роздал моему отряду. Плохое оружие, но и оно могло служить защитою против Абдул-Фетх-Хана[13]) или против грузинского разбойника Александра[14]), который всегда в окрестностях подстерегает наших, идущих в город и из города.

Только благодаря Мирзе-Мамишу, служащему в чепархане (Tcheperkhané), которому я обещал рекомендовать его вашему благоволению,—нашел я секретно 6 лошадей на ночь, потому что днем никто не мог бы отважиться достать их для меня. Этого едва было достаточно для больных, но случай был настоятельный и вчера около 10 часов вече ра я вывел своих людей. Мы предприняли то, что выражаясь сильно называется бегством, без ведома хана и мехмендара; никто не знал куда мы идем, за исключе нием одного проводника, которого я поймал по дороге. Но этот ночной отъезд стал для меня несчастным. Первое злополучие случилось еще в городе около моста. В моем отряде из Тавриза шел Васильков, который за преступления в России был прогнан сквозь строй. Он оказался больным ревматизмом в коленях и я особенно заботился о нем, никогда не заставляя его слезать с большого тюка мягких пожитков, растирая ему аккуратно колени ромом и укрывая его от ночной сырости, теперь он соскочил с лошади и сказал мне, что болезнь мешает ему ехать дальше. Я предлагал ему более удобную верховую лошадь, отдавал ему свою собственную, хотел чтобы его несли товарищи — все было напрасно; он ответил мне с холодной решимостью, что не последует за мною и что я вправе его убить. Конечно, я был вправе, но такой поступок, хотя бы и дозволенный законом, противен человеку чувствительному. Я утихомирил других и скрыл от них дело как мог и он был предоставлен своей судьбе; персы не упустят случая с ним покончить. Мы перешли три до-

вольно широкие и глубокие речки и это вносило каждый раз безпорядок. Я остановился, чтобы проверить — все ли на лицо: двоих не оказалось. Вообразите мое безпокойство; это было почти в 5 верстах от города. Я сделал привал, заставил одних спать, других — караулить, а сам с Юсуфом (из Багдада) поскакал назад, на поиски. Я кричал, звал их по именам, Юсуф тоже самое: — ответа не было; лишь подало голос несколько бродячих татар. Немое оцепенение овладело мною. Благодаря богу, мы не потеряли дороги, но я вернулся в отчаянии. Они наверное напились, — говорил я себе, — в суматохе отъезда и потеряли и разум и силы. Я послал за ними еще трех верховых с оружием; это продолжалось до рассвета следующего дня. Мне привели одного из них и мое предположение подтвердилось: он запасся в городе кувшином вина. Другой потерялся, быть может, навсегда. Его имя — Ларин[15]), красивый малый, внушающий доверие, скромный, только склонный выпить. Если вы узнаете, что его привели в Табриз, позаботьтесь об его освобождении. Я очень огорчен за него. Число тех, кого я веду с собой я мог проверить только на половине дороги, выйдя из местечка Альвар. Накануне мне внесли в список имена тех, что остались заключенными в Мейдане[16]). Наличное число — 158; одного нет (того, о котором я имел честь упомянуть в моем докладе № 1); два потеряны с Нахичевани, остается — 155, помимо Вагина[17]), которого я не смешиваю с другими. Сегодня, на рассвете, я узнал, что я в той самой долине, которая расстилается от ущелья вблизи Аракса[18]) до Нахичевани, только Сев.-Западнее. Мы углубились в горы и после нескольких часов пути, отойдя, думаю, четыре с половиной фарсанга, — мы очутились около знаменитой Змеиной Скалы[19]); здесь мы поднялись в селение, называемое Казанчи[20]), откуда я и пишу вам. Мне осталось на завтра 8 фарсангов, как говорят, каменистой и неровной дороги до Пирнавута[21]),

Фет-Али—Шах.

торый принадлежит нам. И если мы дойдем туда целы и невредимы, то я скажу, что у персов не хватает ума, чтобы вредить нам столько, сколько они этого хотят.

Представьте себе, что я не мог найти никого, чтобы послать к нашему пограничному коменданту. Вчера явился ко мне человек из Гаруссы[22]) где стоит первый русский пост. Он возвращался туда с караваном; я хотел поручить ему свое письмо и за эту маленькую услугу он спросил с меня 50 телят! При этой чрезмерной просьбе, не имея никакой гарантии в ее верности я предпочел его отослать, отметив его имя в своем дневнике. Какое подлое исчадие эти армяне! Ни один из них не хотел меня знать и в то же время они нашептывают нам, что мы их будущие (in spe) покровители. Хорошие protégés! Они продают нас тем самым персам, которые готовы их распять и кипятить со всеми приправами; недавно еще они сожгли двоих в Нахичевани.

Я написал бы вам еще подробнее, Милостивый Государь, зная, что вы принимаете участие в моем настоящем положении, но неудобство писать облокотившись на пол, куча ядовитых насекомых, которые заставляют меня подпрыгивать всякий раз, как они доползают до моего письма, ветер, ежеминутно задувающий свечу, наконец, усталость и бессонная ночь, которую я уже провел, чтобы написать вам свой рапорт,—все это не дает мне связать двух мыслей вместе и вы извините мои каракули [23]).

Хотя я в начале настоящего письма уже высказал свое мнение относительно Фирмана Шахзаде, который клонится к тому, чтобы оставить меня без помощи в Нахичевани, о враждебности Кельбель-Хана и двоедушии Махмед-Бека, вы распорядитесь относительно этого, Милостивый Государь, так, как вы хотите,—я не решаюсь упреждать вашего суждения, и даже, если

бы вы нашли необходимым не выводить этого дела на свежую воду, то я не буду огорчен, потому что в конце концов я уже почти покончил со всеми своими бедствиями. Я доволен уже тем, что заставил Мехмендара пробежать почти до Карабаба[24]); не найдя меня там, он поспешно вернулся сюда, очень удивленный тем, что я шел не той дорогой, что он мне указал. Я ему заметил, что если бы он хоть чуточку заботился обо мне, то провел бы меня сюда прямо от Аракса через ущелье, дав мне через это выиграть три дня и спас бы меня от стольких неприятностей! Он покидает меня, но я не чуствую себя брошенным от его отъезда. Его совесть, которая редко говорит ему что-либо, заставляет его опасаться, что если он последует за мною в Пернаут, то я заставлю там поступить с ним круто. Негодяй не понимает, что на нашей территории никакая неприязнь не заставит меня нарушить долг гостеприимства: так дорога эта добродетель всем людям моей страны.

Примите, Милостивый Государь, чувства совершенного уважения от вашего покорного

Александра Грибоедова.

№ 4.

11 сентября, 1819 г. (Казанчи).
P. S. Пернаут, 13 сентября.

Милостивый Государь, я извлек выгоду из неотступных просьб Мехмендара, который непременно хотел иметь от меня бумагу, ища предлога показаться вам. И чтобы не оставить вас в сомнении относительно моего прибытия на границу я не запечатал этого письма в Казанчи и велел провожать меня одному из людей Махмед-Бека. Все это не очень надежно, потому что этот негодяй заставил уже меня в Нахичевани заплатить два дуката за почту в Тавриз, присвоив себе, я думаю, звонкую монету, потому что я знаю от

него же самого, что пакет, о котором идет речь,—еще в его руках. В свое оправдание, он рассказал мне тридцать историй; пусть-ка он их расскажет вам! Однако, позвольте вас уведомить, что я послал вам свой первый рапорт из Маранда №-1, 2-ой из Нахичевани и этот, 3-ий, отсюда из Пернаута, армянского селенья, зависящего от Мехти-Кули-Хана[25]), под властью России. Вчера, 12 числа, через ущелье вдоль реки Алинджи, мы достигли горы, которая одной своей стороной примыкает к Ирану, и другой—к нам. Казалось, она поднимается до безконечности; в продолжении 2-х часов мы карабкались по ней и лишь на вершине добрались до того места, где переход на нашу сторону (ad status, quod ad passatum). Оттуда досюда только один прыжок. Благословенье богу! Моя экспедиция наполовину выполнена. Можете ли вы сказать то же самое, Милостивый Государь, о вашем деле управления, будущий исход которого еще слишком неясен для того, чтобы и в будущем я мог бы быть за вас спокоен. Теперь в вашем распоряжении много русских подданных, которые могут доставить в Тифлис ваши письма, когда вы захотите. Соблаговолите, пожалуйста, написать мне.

Из чувства справедливости, не выставите ли вы перед Наиб-Султаном в выгодном свете услуги, оказанные мне султаном[26]) Сарбаз в Гаргаре[27]) и Мирзой Мамиш[28]) в Нахичевани?

Приложенное здесь письмо адресовано Шемиру.

5.

Симону Ивановичу Мазаровичу.

Рукою С. И. Мазаровича приписано: „reçue le 16 octobre 1819".

Rapport à Monsieur le Chargé d'affaires de Russie en Perse.

Monsieur.

Ce n'est que le 2 du mois ou pour mieux dire la nuit au 3, que je suis arrivé à Tiflis bien portant et parfaitement

accueilli par les autorités. Déjà il y a une aurore de tranquilité pour moi, mais il fallait parler à beaucoup de personnes et leur reparler encor[e] sur l'objet de mon voyage jusqu'ici, et de celui, qui me reste à faire; j'ai du mettre en ordre pour M. le général Weliaminoff une liste détailleé des individus, que je mène. Cela naturellement m'a empêché de me mettre à l'oeuvre pour porter à Votre connaissance les détails de ma marche depuis la frontière, dont la lenteur doit vous paraitre indéfinissable. Je Vous en communiquerai les circonstances aussi rapidement, que possible pour ne pas faire perdre du tems à Papa-Melix, qu'on Vous expédie demain.

L'on m'a tenu un jour à Sissian, 2 à Garousse, 3 à Choucha, d'où j'ai fait une course à Tchinahtchi pour m'aboucher avec le colonel Réout, remplaçant Madatoff. Les fréquentes interruptions provenaient de l'approvisionnement. On n'était pas préparé sur cette route, que j'avais prise, sans qu'on en fût instruit. Tantôt il n'y avait que farine dans les magazins, il fallait quelques jours pour la cuire, tantôt on s'arrêtait pour moudre le grain. Que voulez Vous? Ce n'est pas, qu'on m'obstruât le chemin: ce n'était proprement la faute de personne. Pour les viandes, choux etc., cheveaux de train, tout fut à mes frais, je n'ai pourtant pas dépassé la somme de 300 r. Mes comptes sont en régle, et je n'attends, qu'un peu de loizir pour les rédiger nettement, et Vous les presenter ensuite.

De Choucha j'ai pris les devants jusqu'Elisabethpol, on m'y arrêta 7 jours, avant de recevoir des ordres de Tiflis pour me faire passer. Et ici!... je n'ai rien à Vous dire; des papiers d'office Vous ont été envoyés qui prouvent combien les convenances, les loix, enfin des causes très graves s'opposent à ce qu'elle soit strictement observeé cette parole, que Vous m'aviez si solemnellement donnée. M. le général Wéliaminoff fait ce qui dépend de lui pour me compromettre le moins qu'il peut envers mes malheureux, je le serai pourtant vis-à-vis de 80. Cela est bien amer, après tant de sollicitu-

des, tant de désagréments, endurés dans la seule ideé, que céla servirait à leur bonheur commun. Il serait dur pourtant d'aggraver par mes lamentations le déplaizir, que déjà l'occu-[r]rence par elle même doit vous faire Monsieur. Des sentiments de bonté trop précipités Vous ont voilé dans le tems, les conséquences plus que probables, qui se réalisent maintenant, et me voici dupe et trompeur!

Pour adoucir un peu l'impression affligeante, que je dois Vous avoir causée, je Vous dirai, Monsieur, qu'aux engagements près, contractés avec les transfuges, la conduite de Vos affaires est fort gouteé ici de tout le monde, mais très instruits des machinations Persannes à Votre égard, on Vous approuve sans Vous porter envie. A propos de Persans le Sarhang Mehmet-Kouli est ici avec tout son train; il se dit pauvre, misérable, et voilà une pension sur le tapis. Les 400 familles, qui l'ont suivi seront domiciliées aux environs d'Elisabethpol. Ne voudriez Vous pas m'écrire deux mots sur le compte de sa femme?—Par tout où j'ai passé, les autorités locales furent par moi averties, que tout homme soit du Chah même, s'il arrive de l'étranger sans être muni d'un passeport, que Vous aurez signe, doit subir un sévere examen sur les lieux, et réstera deténu jusqu'à une nouvelle décision, qui Vous sera demandée. C'est ainsi, que le commendant d'Elisabethpol, homme très intélligent l'a toujours entendu, mais il n'avait là dessus aucune instruction positive, dorénavant il m'a dit de ne vouloir pas procéder autrement. Cependant un individu a eté saisi, portant des lettres de la part de Selim-Khan à Mohileffsky; l'affaire me semblait devoir étre éclaircie avant mon arrivée ici, car j'ai tardé 7 jours à Gandja, j'en ai parlé au Général. W. et croiriez Vous qu'il n'en sache rien? C'est le cas pourtant, je ne sais comment me l'expliquer. Hodja Beg propriétaire (s'il y en a en Perse) entre Kasantché et notre frontière m'a envoyé complimenter par son fils, à mon passage le long de l'Alindja. Nous avons causé en Persan, il se plaint de sa position, desirant passer sous le gouvernement Russe. On

se plaint néanmoins au Karabagh; ceux du Chamchedil soupirent après l'Iran. Il n'y a que plainte de notre côté, comme du leur. Mais sur la frontière quelle réciprocité d'espionnage, de désertions! L'on fuit de là! l'on s'enfuit de chez nous, et selon moi ce n'est que de Charybde en S[c]ylla. Affreuse administration là comme ici sur ce que j'ai pu observer. J'aurai l'honneur de Vous en entretenir à une époque plus favorable.

Quelques trois petits papiers m'ont été remis de ceux, que Vous avez bien voulu m'adresser. Larin est venu me trouver à Choucha. Il a passé quatre jours sans manger, sans voir âme, qui vive, tâchant toujours de regagner mes trâces à travers des forêts et des Alpes i'mpraticables, enfin il fut attaqué, mais jeune et vigoureux, il mit hors de combat les trois scélerats, qui voulaient le garrotter. C'est ainsi, qu'-après bien de calamités, il me rejoignit. Admirable bonne volonté! —Je Vous remercie de ce que Vous Vous êtes prêté de si bonne grâce à ma demande pour les deux seuls personnages Persans, qui n'ont pas mal agi avec moi. Patience, dites Vous, Dieu Vous, la conserve Monsieur, sans elle point de salut à Tabriz. M. le Général W. m'a succintement conté la teneur de Vos papiers, il paraêît, que la cohue des barbus s'agite encor(e), et aussi sotte comme à l'époque, à laquelle je m'en suis séparé. Persévérez à [les cajoler et souffleter selon le besoin du moment. Du reste pardonnez moi ma rapsodie, à l'avenir je Vous ferai mes rapports par provision, car je vois, qu'on n'est pas toujours maitre d'écrire à point nommé.

C'est avec les sentiments de la plus parfaite soumission, que j'ai l'honneur d'être.

Monsieur
Votre très obéissant
Alexandre Griboyedoff.

№ 15.

6 octobre 1819. Tiflis.

C'est demain, que je m'achemine plus loin.

Ambourger vous présente ses respects; il désirerait fort revenir près de Vous le plus promptement; mais la faculté s'y oppose. Vraiment je le trouve malade, la vertu des eaux firugineuses[1]) n'a pas été trop efficaces à l'amélioration de sa santé.

Семену Ивановичу Мазаровичу.

Рапорт господину поверенному в русских делах в Персии.

Рукою С. И. Мазаровича приписано: „получено 16 октября 1819 г.“,

Милостивый Государь,

Только 2-ого числа, или лучше сказать в ночь на 3-ье я прибыл в Тифлис здоровым и был прекрасно принят начальством. Для меня намечается уже заря спокойствия, но нужно говорить еще со многими лицами и еще многое пересказать им относительно цели моей экспедиции сюда и о будущем моем путешествии.[1])

Я должен был привести в порядок для генер. Вельяминова[2]) подробный список людей приведенных мною Все это, естественно, помешало мне приняться за работу, чтобы довести до вашего сведения подробности моего похода, начиная с границы, медленность его должна казаться вам необъяснимой. Я сообщу вам обстоятельства этого похода в самом сжатом виде, чтобы не задерживать Папа-Меликса, которого отправляют к вам завтра. Меня продержали одинь день в Сиссиане[3]), 2—в Гаруссе, 3—в Шуше[4]), откуда я съездил в Чиначи[5]) для личных переговоров с полковником Реутом[6]), заме-

---

[1]) Правильно: ferrugineuses.

няющим Мадатова[7]). Частные перерывы пути происходили из-за снабжения продовольствием. На том тракте, которым я следовал, не были предупреждены и не приготовились: то в магазинах была только одна мука и нужно было несколько дней, чтобы испечь хлеб, то останавливались потому что надо было смолоть зерно. Что поделаешь? Не то, чтобы мне создавали затруднения—тут не было ничьей вины. Что касается мяса, капусты и пр., обозных лошадей, все это было на мой счет; тем не менее издержки не превысили 300 рублей. Мои счета в порядке и я жду только свободного времени, чтобы переписать их начисто и затем представить вам.

Из Шуши я поехал вперед до Елизаветполя, где меня задержали на 7 дней прежде чем получилось приказание из Тифлиса отправить меня дальше. А здесь! Нечего говорить вам; деловые бумаги вам были посланы, из них видно, насколько приличия, законы, и, наконец, причины очень важные противятся тому, чтобы было исполнено пунктуально торжественно данное мне вами обещание. Генерал Вельяминов делает все от него зависящее, чтобы на меня легло как можно меньше вины в глазах этих моих несчастных; однако, перед 80-ю из них я все же буду виноват. Это очень горько, после стольких забот, стольких неприятностей, вынесенных ради единственной мысли, что это послужит их общему счастью. Однако с моей стороны было бы жестоко усиливать еще своими жалобами то огорчение, которое уже самый этот случай должен доставить вам, Милостивый Государь! Неудержимый порыв доброты заслонил тогда от вас неизбежные последствия, развертывающиеся теперь и вот я оказался дураком и обманщиком!

Чтобы смягчить немного печальное впечатление, которое, я думаю, причинил вам, я скажу вам, Милостивый Государь, что относительно обязательств, заклю-

ченных с перебежчиками, ваша манера действовать была здесь всеми очень одобрена и так как тут прекрасно осведомлены насчет персидских козней против вас, то вас хвалят, но вам не завидуют. Что касается персов, то Серхенг Мехмет-Кули[8]) находится здесь со всей свитой; он прикинулся бедным, несчастным и вот вопрос о пенсии на очереди.

Четыреста семей, которые последовали за ним, будут размещены в окрестностях Елизаветполя... Не напишите ли вы мне два слова по поводу его жены?

Повсюду, где я проезжал, я уведомлял местные власти, что каждый человек, будь то сам шах, если он переезжает нашу границу без подписанного вами паспорта, должен будет подвергнуться суровому допросу на месте и быть задержан до окончательного решения, о котором вам будет сделан запрос. Так именно всегда смотрел на дело Елизаветпольский комендант[9]) человек очень разумный, но у него нет на этот счет никакой положительной инструкции; он мне сказал, что отныне он иначе и не будет действовать. Между тем был схвачен человек с письмами от Селим-Хана[10]) к Могилевскому[11]); мне казалось, что дело должно было бы быть выяснено перед моим приездом сюда, потому что я задержался на 7 суток в Гандже[12]); я говорил об этом генералу В.[13]) и верите ли вы, что он ничего об этом не знает? Однако, я не знаю, как мне истолковать этот случай.

Ходжа-Бек землевладелец, (если есть таковые в Персии) между Казанче и нашей границей при моем проезде по Алиндже, послал своего сына приветствовать меня. Мы говорили по персидски; он жаловался на свое положение и выразил желание перейти в русское подданство. Но жалуются в Карабаге, а в Шамшедиле[14]) мечтают о покровительстве Ирана. И с нашей, и с их стороны только и слышны жалобы. Но на границе какое обоюдное шпионство и дезертирство! Оттуда

бегут! Бегут и от нас и по моему это Харибда и Сцилла. Там и здесь чиновники отвратительны, насколько я мог наблюдать. Я буду иметь честь беседовать с вами об этом в более удобное время.

Мною получены 3 небольших бумаги из тех, что вы направили ко мне. Ларин[15]) пришел ко мне в Шушу. Он шел 4 дня без еды, не видя живой души, стараясь найти мои следы через леса и неприступные горы; наконец на него напали, но молодой и сильный он отбился от трех негодяев, которые хотели его связать. Таким образом после всех бедствий он присоединился ко мне. Удивительная воля и решимость. Благодарю вас за то, что вы были так внимательны к моей просьбе за двух единственных персов, которые не поступили со мной плохо. Терпение, скажете вы; да сохранит его вам господь, Милостивый Государь, без него нет спасения в Табризе. Генерал В.[16]) рассказал мне вкратце содержание ваших бумаг; кажется, что толпа бородачей[17]) еще волнуется и так же глупа, как и в те времена, когда я с ней расстался. Продолжайте ласкать их и кормить пощечинами, смотря по требованию момента. Впрочем простите мне мою рапсодию; в будущем я буду готовить вам доклады заблаговременно, потому что я вижу, что нельзя нигде располагать своим временем по желанию.

С чувством совершеннейшего уважения имею честь быть вашим покорным слугой

Александром Грибоедовым

№ 15.

Тифлис 6 октября 1819

Завтра я отправляюсь дальше. Амбургер свидетельствует вам свое почтение; он бы очень желал вернутся к вам возможно скорее, но силы этому препятствуют. Поистине я нахожу его больным; свойство железистых вод не оказалось настолько действительном, чтобы улучшить его здоровье.

6.

Симону Ивановичу Мазаровичу.

A Monsieur

M. le C-ler d'Etat de Mazarovith.

[1821 г. Тифлис].

Cher Monsieur Mazarovitz. Quel est l'article addition[n]el, que Vous avez rédigé en Perse en faveur de nos marchands? Si Vous en avez un brouillon, je Vous prie de me le prêter; et croyez, que s'il est, comme je n'en doute nullement, dans l'intérêt de notre commerce, le G-l en Chef saura l'apprécier et le soumettra en tems et lieu à l'approbation du ministère Jmpériale, en portant à sa connaissance que Vous en êtes l'auteur.

Si vous avez une copie en Français ou en Russe du Traité de Gulistan, Vous m'obligerez en me la prêtant. J'ai déjà emballé et envoyé tous mes papiers à Schoulewer, il se trouve, que j'ai besoin à cette heure du traité, Vous pourrez toujours Vous en procurer à Pétersbourg autant d'exemplaires, que vous voudrez.

Le G-l en Chef m'a ordonné de Vous faire avoir dans sa chancel[l]erie la feuille de route по казенной надобности.

Recevez l'assurance

de mon dévouement Votre très zél[é] servite[u]r

A. Gribojedoff.

8 Mai
Dimanche.

6.

Господину статскому советнику Мазаровичу.

[1821 г. Тифлис.]

Дорогой Мазарович, какую дополнительную статью вы составили по персидски в пользу наших купцов? Если у вас есть черновик, прошу вас одолжить мне

его, и, поверьте, что если статья эта, как я не сомневаюсь, поддерживает интересы нашей коммерции, то главнокомандующий[1]) сумеетее оцентиь и в свое время представить на одобрение императорского министерства, указав на то, что вы ее автор.

Если у вас есть французская или русская копия Гюлистанского договора[2]), то вы очень обяжете меня, предоставив ее мне. Я уже запаковал и отправил все свои бумаги в Шулаверы[3]); оказывается, что в настоящий момент мне необходим договор, вы же можете его всегда достать в Петербурге во скольких захотите экземплярах.

Главнокомандующий приказал мне предупредить вас, чтобы вы запаслись в его канцелярии подорожной по казенной надобности.

Примите уверенность в моем уважении.

А. Грибоѣдовъ.

8 мая. Воскресенье.

7.

Написано, рукою Рыхлевского:[1]) „4 мая отвѣчалъ изъ Тифлиса“.

Милостивый Государь

Андрей Ивановичь!

Письмо Ваше я уже давно получилъ, еще въ Тифлисѣ, и только отъ того позамедлилъ благодарить, что сперва хотѣлъ о Серебряковѣ посовѣтоваться съ Г. Мазаровичем. Нынче онъ объ немъ доноситъ Начальству и между темъ поручилъ мнѣ Вамъ свидѣтельствовать почтеніе и признательность за воспоминаніе въ письмѣ ко мнѣ. Очень пріятно небыть позабытымъ отъ того, кого уважаемъ. И потому безъ всякихъ Дипломатическихъ кудрявостей скажу, что для меня письмецо отъ Васъ хоть невелико, да дорого. Притомъ же знаю я, что по службѣ

занятій у Васъ въ Георгиевскѣ[2]) много, а вечеромъ бостонъ въ употребленіи. Тѣмъ похвальнѣе оторваться отъ такой дѣятельности и посвятить несколько минутъ прежнему спутнику. Мнѣ досугу много, и на оборотъ долженъ бы писать вам цѣлые листы; но изъ Персіи о чемъ прикажите? Возвратимтесь въ благополучное Отечество, и будет о чемъ побѣсѣдовать, на словахъ или на письмѣ.

Напомните обо мнѣ Василію Захарьичу. По комъ теперь изволитъ томиться? На дняхъ читалъ я въ Статистическомъ Опытѣ о Россіи, что въ Кизлярѣ[3]) есть много Индѣйцев, но мы съ нимъ (и с Вами, въ скобкахъ сказано) кромѣ хорошенькой Ахвердовой[4]) никого незамѣтили. Спѣшите въ Тифлисъ, не повѣрите, что за роскошь! Въ клубѣ Балы и съ Масками. И я однажды очень неудачно принарядился, неуспѣлъ войти въ Залъ, всѣ закричали, что у Г. Маркиза Б шишка на лбу.

Прощайте, почтеннѣйшій Андрей Ивановичь, прошу неоставлять меня дружескимъ расположеніемъ, которое всегда съ признательностію будетъ цѣнить

душою Вамъ преданный

А. Грибоѣдов.

(Тут же, рукою Рыхлевского приписано: „Александръ Сергѣевичъ").

Февраля 1820. Табриз.

P. S. Кстати или некстати порадуйтесь моей радости. Я уже не тотъ бѣдный Иръ, нищій, слуга Государю изъ хлѣба, какъ прежде. Меня увѣдомляютъ, что состояніе мое поправляется. Теперь при первомъ попутномъ вѣтрѣ лечу. Лишь бы Алексѣй Петровичъ[5]) позволилъ поднять паруса... Опять буду независимъ.

8.

Милостивый Государь,

Любѣзнѣйшій Андрей Иванович,

Гдѣ вы теперь? Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ, которому я обязанъ превеселыми минутами, вы у Поля[1]) въ Клубѣ людей искали. Передъ кѣмъ потушили Фонарь?[2]) Скажитѐ искренно. Или вашъ поискъ намѣрены перенести въ Петербургъ? Что Главнокомандующій[3]) намѣренъ дѣлать я неспрашиваю: потому что онъ Сфинксъ новѣйшихъ временъ. Вы не повѣрите, какъ здѣсь двусмысленно наше положеніе. Отъ Алексѣя Петровича въ цѣлый годъ разу неузнаѐмъ, гдѣ его пребываніе, и какимъ окомъ онъ съ высоты смотритъ на дольную нашу дѣятельность. А въ блуждалищѣ Персидскихъ неправдъ и безсмыслицы едва лѣпится Политическое существованіе Симона Мазаровича и его крестоносцевъ. Что за жизнь! Въ первый разъ отъ роду вздумал подшутить, отвѣдать статской службы. Въ огонь бы лучше бросился Нерчинскихъ заводовъ и взываю съ Іовомъ: Да погибнетъ день, въ который я облекся мундиромъ Иностранной Коллегіи, и утро, въ которое рекли: Єе Титулярный совѣтникъ.[4]) День тотъ да невзыщетъ его Господь свыше, ниже да пріидетъ на него свѣтъ, но да пріиметъ его тьма, и сѣнь смертная, и сумракъ. — Объ моихъ дѣлахъ ни слова болѣе, негубить же мнѣ васъ моею скукою. Про вашъ бытъ желалъ бы знать.

Отъ чего на Генераловъ у вас безвременье? Одинъ съ ума сошелъ (Эристов)[5]). Другій (Пузыревскій)[6]) палъ отъ измѣнической руки; Ахвердовъ[7]) отъ рукъ мирныхъ, благодѣтельныхъ, Докторскихъ, жаль его семейства, племянница[8]) в Кизлярѣ всѣхъ жалчѣе.

Отъ чего великій вашъ Генералъ махнулъ рукою на насъ жалкихъ, и ниже однимъ чиномъ не хочетъ впередъ толкнуть на пространномъ полѣ Государевой службы?

Милостивый Государь

Любезнейший Андрей Иванович.

Автограф А. С. Грибоедова.

ружью на нашъ [illegible], и нужели одинъ чи-
немъ мѣшаетъ впередъ шагнуть на пространномъ
номъ поли Государевой службы? Что-бы ска-
залъ онъ о своихъ дарованіяхъ, ежели вѣкъ оста-
ваться Капитаномъ Артиллеріи? И хотя
несомнѣнно еще много времени до того, чтобы
съ нимъ сопрягаться въ способностяхъ, но
право дорожитъ этою [illegible] званія.

Сторговано, что на мои вопросы отвѣчу
отъ васъ непремѣнно, ну такъ хотя о чемъ ни-
будь о другомъ, только напишите. [illegible]
и считаете себя можете быть и [illegible]

Тавризъ 25го Іюня 1821.

Вамъ преданный

А. Грибоѣдовъ.

P. S. Семенъ Ивановичъ нѣсколько разъ просилъ меня
вамъ изъяснить истинное его къ вамъ чувство
дружества и уваженія, но я отвѣчалъ, [illegible]
и этого до сихъ поръ не исполнилъ. Въ этотъ разъ
при отправленіи курьера, недостало времени самъ
ему [illegible] засвидѣтельствовать.

Автограф А. С. Грибоедова.

Что бы сказал онъ съ своимъ дарованіемъ, кобы вѣкъ оставался Капитаномъ Артиллеріи? Я хотя неосмѣлилъ еще моего дменія до того, чтобы съ нимъ смѣряться въ способностяхъ, но право доро́же сто́ю моего званія[9]).

Вѣроятно, что на мои вопросы отвѣту отъ васъ неполучу, ну такъ хоть о чем нибудь о другомъ, только незабудьте: отпишите и заставьте себя любить болѣе и болѣе

вамъ преданнымъ

А. Грибоѣдов.

Табриз, 25 Іюня 1820.

P. S. Семенъ Ивановичъ[10]) несколько разъ просилъ меня вамъ изьяснить постоянное его къ вамъ чувства дружества и уваженія, но онъ же виноватъ коли я этого до сихъ поръ неисполнилъ. Въ тотъ разъ при отправленіи курьера, не далъ времяни ни съ кѣмъ письмами побесѣдовать.

№ 9.

Его высокоблагородию

М. Г. Петру Николаевичу

Ермолову.

Г-ну полковнику

в Шушу.

[1823 г.]

Cher Colonel:

Je vous écris ce peu de mots, d'abord pour vous apprendre que je suis encor() à Teflis, ce qui est bien loin de Moscou. Du reste mes apprêts de voyage sont raisonnablement faits aujourd'hui même je viens d'encoffrer mon Piano, vendu à Mouravief, on aurait dit que je déposais un ami au cercueil à tel point je me sentais le coeur sérré. Mes livres sont déjà emballés, pour m'être envoyés, si en tout cas je ne revenais pas. Là dessus il n'y a plus à attendre, une bonne heure, de bonne augure, celle la même qui était d'un si haut

intérêt pour un Romain, et qui l'est encore à nous autres Orientaux, et puis . . . l'on part.

Adieu, mon très chèri et très éstimable ami, certes vous entrez pour beaucoup dans la tristêsse, que je sens, en quittant ce pays. Souvenirs de franchise, de cette attrayante bonté de coeur, qui vous caractêrise; durant votre maladie les veilles fréquentes, quand nous jasions en deux en toute conscience, vous en souvenez vous? lors de mon retour de la Pêrse? Et les jours de calme et de bonheur à Mouchravane toutes les fois que je venais vous voir. Enfin je ne sais . . . mais c'est qu'au moment que je vous écris je pleure comme un enfant.

Adieu, encore une fois, et de plus une vive sollicitation d'acquiéscer à ce que je m'en vais vous dire.

Gibelli est á la veille de perdre la vue. Vous sentez tout l'horreur de sa position, si cela lui arrivait. Mon ami, dans le tems, que vous alliez au Karabagh vous me promîtes vos bons offices en tout ce qui pourrait lui être utile. Maintenant qu'il s'agit de produire en fèrme les biens immeubles de Mehti-Kouli-Khan, veuillez mettre Gibelli sur la liste des plus offrants pour le jardin ou pour un ou deux villages du Khan prés de Shouscha. Sitôt remis de sa maladie, soit borne, soit aveugle, il revienderait là haut avec tel tître de sureté, qu'on exigerait de lui pour le bail, que vous auriez eu la bonté de lui résérver. Je ne doute pas de la réussite de cette affaire en tems,[1]) que cela dépend de vous, sinon! Dieu! qul'est ce qui compatirait à son sort! Ce ne serait certainement pas Madatof.

Adieu. Je vous embrasse en frère.

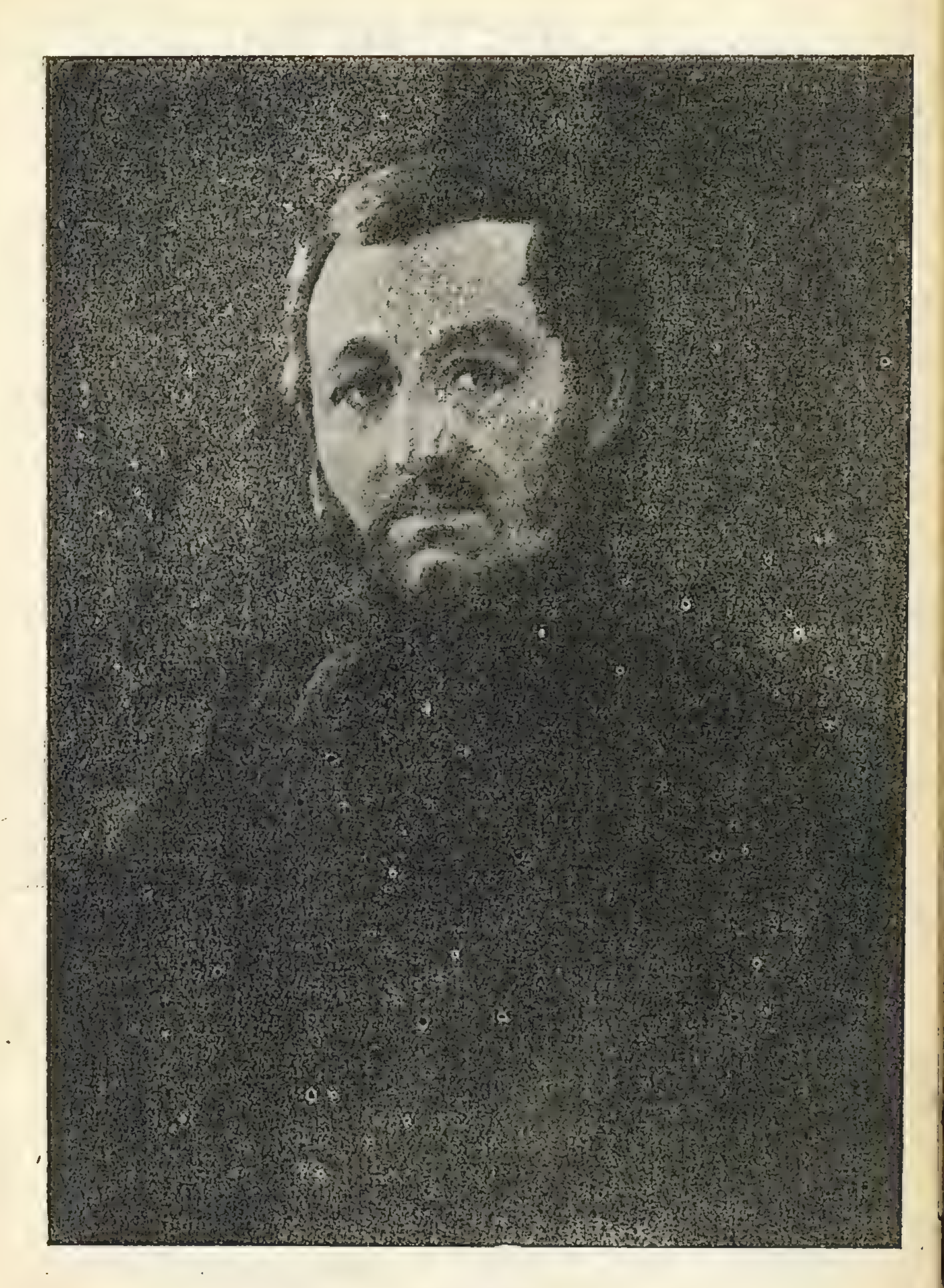
Votre très dévoué

Gribayedof.

15 Fev.
Teflis.

---

[1]) Вероятно Грибоедов ошибся; по смыслу следует читать: tant.

П. Н. Ермолов.

Его Высокоблагородию

М. Г. Петру Николаевичу Ермолову

Г-ну Полковнику в Шушу.

[1823 г.]

Дорогой полковник[1]),

я пишу вам в немногих словах, чтобы дать вам знать, что я все еще в Тифлисе; это очень далеко от Москвы[2]). Впрочем мои дорожные приготовления благоразумно кончены; сегодня я даже упаковал в ящик свое пианино, проданное Муравьеву [3]); можно было подумать, что я клал в гроб друга, до такой степени у меня сжималось сердце. Мои книги уже упакованы к отправке на тот случай, если я не вернусь сюда, После этого больше уж нечего ждать: добрый час. хорошее предзнаменование, то самое, которое было так важно для римлянина и которое важно и для нас восточных людей, и потом... можно ехать.

До свиданья, нежно-любимый и уважаемый друг, вы играете, конечно, большую роль в том, что я покидаю эту страну с грустью. Воспоминания об искренности, о пленительной сердечной доброте, которые вам свойственны, многократные ночные беседы в продолжении вашей болезни, когда мы болтали вдвоем с полной откровенностью,—помните ли вы об этом? со времени моего возвращения из Персии? А дни тишины и счастья в Мухровани [4]), каждый раз, как я приезжал вас навещать. Наконец, я не знаю.... но дело в том, что в тот момент, когда я пишу вам—я плачу, как ребенок. До свиданья еще раз и большая просьба—одобрить то, о чем я вам сейчас скажу. Джибелли [5]) накануне потери зрения. Вы чувствуете весь ужас его положения, если с ним это случится. Друг мой, в то время, когда вы ехали в Карабага [6]), вы пообещали ваши услуги в том, что ему могло бы быть полезно.

Теперь, когда речь идет о том, чтобы сдать в аренду недвижимое имущество Мехти-Кули-хана [7]) соблаговолите внести Джибелли в список тех, кто предлагает больше за сад или за одно или два селения хана близ Шуши [8]).

Как только он оправится, даже если останется слепым или потеряет один глаз, он смог бы вернуться тогда в горы с теми гарантиями которые потребовали бы от него для аренды, а вы были бы добры за ним ее сохранить. Я не сомневаюсь в удаче этого дела насколько это будет зависеть от вас, если же нет! Боже! кто пособолезнует его судьбе? Конечно не Мадатов [9]).

До свиданья. Обнимаю вас по-братски.

Преданный вам

Грибоедов.

15 февр.
Тифлис.

10.

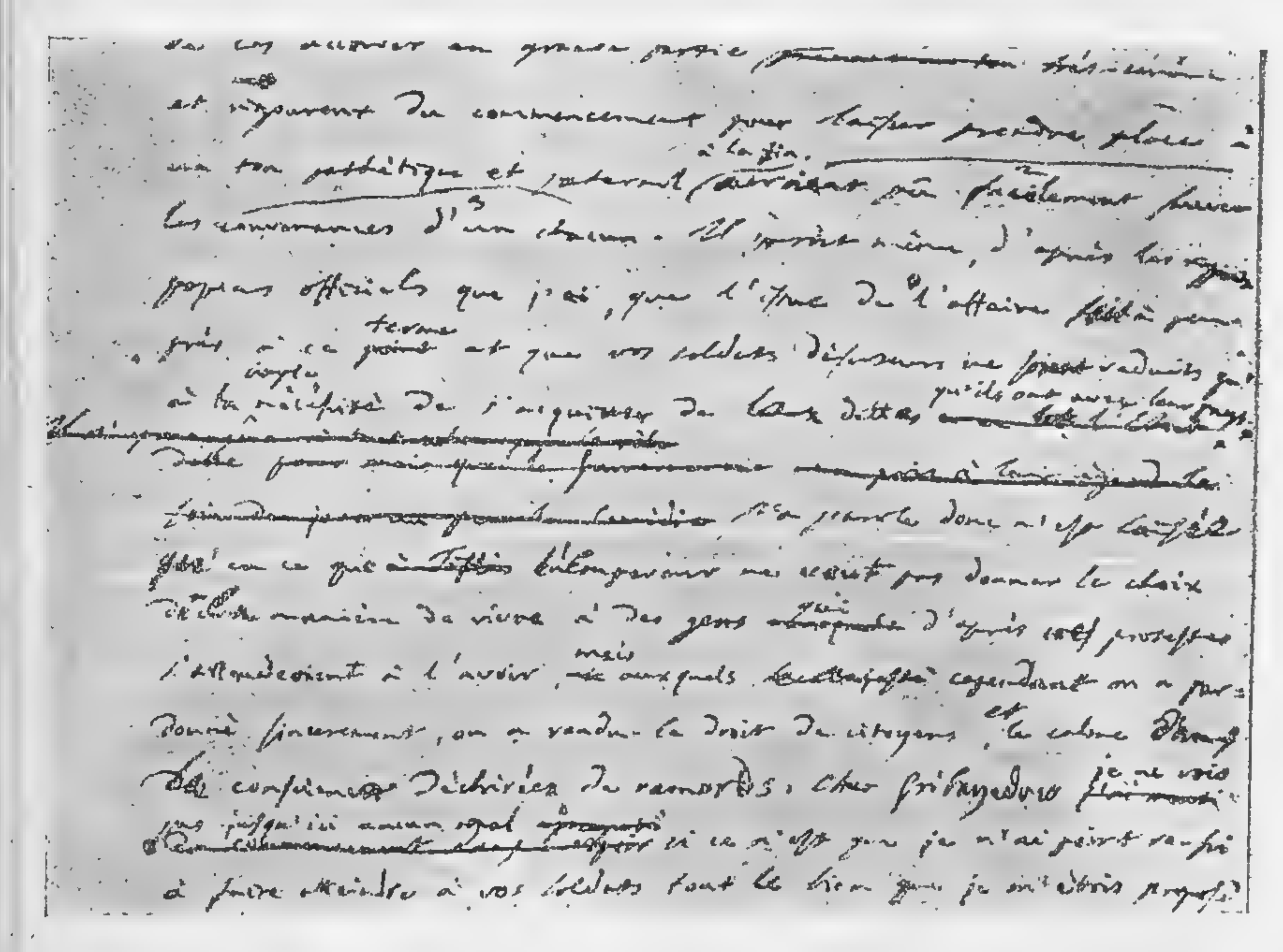
Александру Сергеевичу Грибоедову.

Mon cher Gribayedow,

j'ai reçu avant hier votre lettre sub № 15 et je vous suis très obligé de tous les détails que vous me donnez sur vous, sur les soldats et sur moi. Ces détails offrent en dernière analyse que vous avez une ame excellente, que 80 de vos déserteurs sont forcés de reparer d'une manière honorable les torts qu'ils ont envers leur patrie, et que je suis coupable d'avoir compté sur l'esprit et le savoir faire des autres plutôt que de me tenir à la lettre des ordonnances. Oh, cher Gribayedow! je m'aperçois bien que nous sommes en fait d'administration très—arrières. Cependant je n'ose pas vous parler sur cet article en rapport avec nos soldats, et permettez-moi seulement de vous faire à leur égard ma profession de foi.—Vouz avez été bon témoin de la manière priécpité avec laquelle s'est passeé toute cette affaire et vous

devez convenir que je n'avais pas le tems de délibérer que par le gros de la besogne. Vous vous rappellez certainement qu'en moins de 24 heures sont accourrus chez moi 40 individus, et que trois jours après notre entreé à Tabriz nous en comptions déjà plus qu'une centaine à notre disposition. A la suite de ce beau commencement ne devais je pas m'attendre à l'afluence de tous nos russes qui sont ici? Vous même combien de fois ne vous êtes pas bercé de cet espoir? Mais sachant par expérience le peu d'aptitude et la méfiance que les gens de vulgaire ont pour les distinctions qu'on leur fait quelquefeis, pouvais-je commencer différement de ce que j'ai fait? Un seul mot qui n'est pas favorable à quelqu'un, suffit dans ce cas pour repandre des doutes dans l'âme de la totalité et contrariés comme nous l'étions par les menées secretes et perfides de ce Gouvernement nous devions absolument ou rassurer tout le monde à la fois ou renoncer honteusement aux avantages que le retour d'un si grand nombre d'enfans perdus procurerait à l'Etat. Ce nom est magique pour tous les citoyens et nous n'avons besoin que de lui seul pour faire des autres et laisser faire ce que l'on veut de nous. Cela étant ainsi: je devais en homme zelé pour le service n'avoir égard qu'à l'essentiel, c'est à dire à l'acquisition de tous les soldats et me flatter qu'ensuite on eut en Georgie ou plus loin secondée mon entreprise en conduisant les choses de manière que la discipline militaire, ma parole, et les espérances des soldats n'eussent à ressentir aucun mavais effet par les résolutions à prendre dans la circonstance. Pour remplir un objet pareil, fallait-il un grand effort de l'entendement? j'ai l'honneur de vous assurer que non, et j'ai assez de connaissance du coeur humain pour soutenir qu'on peut être fort contents et satisfaits aujourd'hui d'une condition qu'on regardait hier avec grand effroi. Ainsi vous voyez bien, mon cher Gribayedow, que je pouvais promettre à votre troupe beaucoup, que ceux qui n'étaient pas en état de remplir mes promesses entièrement et qui avaient le pouvoir de les accorder en grande partie auraient pu facilement sau-

ver les convenances d'un chacun et cela en se servant d'un ton très sévère et rigoureux du commencement pour laisser prendre place à un ton pathétique et paternel à la fin. Il parait même, d'après les papiers officiels que j'ai, que l'issue de l'affaire fait à peu près à ce terme et que vos soldats déserteurs ne soient reduits qu'à la simple nécéssité de l'acquitter de la dette qu'ils ont avec leur pays. Ma parole dont n'est laisseé qu'en ce que l'Empereur ne veut pas donner le choix de la manière de vivre à des gens qui d'après mes protestes s'attendraient à l'avoir,

Автографъ С. И. Мазаровича.

mais auxquels cependant on a pardonnè sincerement, on a rendu la droit de citoyens, et le calme dans la conscience déchireé de remords. Cher Gribayedow, je ne vois pas jusgu'ici aucun mal si ce n'est que je n'ai point réussi á faire atteindre à vos soldats, tout le bien que je m'etais proposé bien auquel ils auraient renoncé volontairement si l'on voulait se persuader

chez nous que les soldats sont plus que des machines. En tout cas il fallait jouer un peu la comédie et je vous assure qu'ils se trouveraient contens. Je ris en vous disant ce mot car dans ce monde il est impossible de l'être jamais.

Vous devez vous trouver à present chez le respectable M-r de Jermolow. Ses exploits ne l'empêcheront point de vous lire sans cesse. Tâchez pour votre bonheur de vous attacher á son Excellence, qui de son côté aussi doit vous apprécier ayant besoin toujours des hommes à talent; mais au nom de Dieu ne jouez point, et ne vous familiarisez pas beaucoup avec la jeunesse, car autrement je vous prédis que vous traînerez bien des jours dans la tristesse et la misère.

Mon sort est le même, et par conséquent trop mauvais pour que j'aie l'envie de vous y associer. Cependant si vous n'avez rien de mieux à espérer en Ceorgie, je vous conseille de venir me rejoindre le plutôt possible. A la fin ma maison commence à être à l'abris du vent et du froid. Aujourd'hui j'ai réussi à y faire placer des fenêtres. Je ne vous dis pas mot de la bâtisse quoique bien avancée il y reste bien des choses à faire avant de pouvoir s'y établir. Je souffre depuis neuf jours d' une fluxion à la tête et à l'oeil gauche de manière que je n'ai du repos qu'en avalant des grandes doses d'opium.

M-r Willock est parti pour Téhéran, Porter pour Constantinopol, Gindza est de retour de Schiraz et il parait que Cormick remplit les devoirs de Proconsul de la Compagnie à Tabriz. Nous nous sommes trouvés en compagnie à la fête du Moharem, et je suis très-fâché que vous l'ayiez manquée. C'est la plus théâtrale de toutes les autres qu'on observe en Perse et digne vraiment de votre attention. Ce rôle qu'y joue un ambassadeur chrétien surtout vaut la peine de connaître. C'est un Monsieur qui reproche au Calif sa tyrannie, qui menace d'en faire part à sa cour et qui à la fin sur le mouvement d'un bras inconnu et sur quelques mots articulés par une tête separée de son tronc trouve indispensable de se faire Mussulman et périt avec tout cela sous le sabre d'un

bourreau. C'est ainsi, cher Griboyedow, qu'à Tabriz on n'a pas égard de se moquer en public ce notre religion et de droit des gens! Je me suis rentré en frémissant.

Mon frère se rappelle sans cesse de vous et fait tout ce qu'il peut pour apprendre de moins un peu de la logique de Condillac. Il vous embrasse, vous dit mille et mille belles choses et vous attend avec impatience, car il n'aime pas à entendre parler qu'on puisse désirer de s'éloigner de ce beau séjour à jamais. Je suis très-inquiet sur le sort d'Amburger. Il paraît que le pauvre jeun'homme soit mal véritablement; je lui souhaite de se rétablir tout-à-fait avant de venir ici tant pour son bien que pour le nôtre. Schemir est depuis trois semaines de retour. Le Schah l'a renvoyé bien vite sous l'excuse de venir me consoler par une lettre que s. m. m'a envoyée bien obligeante il est vrai, mais pas du tout analogue à la circonstance. M-r le Général vous parlera sans doute de mes papiers officials et vous pourrez en apprendre le contenu. Incidimus in mala tempora. Cependant j'espère que Verestchiaguine doit bientôt être delivré des mains de ses oppresseurs. Deux semaines auparavant j'ai joué un tour au roi par l'entremise d'Abdoul-Vacheb qui m'a donné des nouvelles très satisfaisantes.

Tabriz.

(Число и месяц не разобрано) . . . . 1819.

Александру Сергеевичу Грибоедову.

Дорогой Грибоедов!

Третьего дня я получил ваше письмо за № 15 и я очень благодарен вам за все подробности, которые вы мне сообщаете о себе, о солдатах и обо мне. Из этих подробностей в окончательном итоге видно, что у вас прекрасная душа, что 80 ваших дезертиров должны будут почетным образом загладить свои вины перед родиной и что я виновен в том, что слишком рассчитывал на ум и находчивость других вместо того, чтобы придерживаться предписаний буквально.

О, дорогой Грибоедов, я хорошо вижу, что мы в административной части сильно отстали. Но я не решаюсь обсуждать с вами с этой точки зрения вопрос о наших солдатах и позвольте мне на этот счет лишь изложить свое убеждение. Вам прекрасно известна поспешность, с которой все произошло, и вы должны согласиться, что я едва имел время обдумать это дело лишь в главных чертах. Вы помните, конечно, что меньше чем за сутки ко мне перебежало 40 человек, а через 3 дня после нашего въезда в Тавриз, в нашем распоряжении их было больше сотни. После такого прекрасного начала не должен ли я был ожидать наплыва всех здешних русских. Как часто и вы сами предавались тем же надеждам. Но зная по опыту малую сообразительность простых людей и недоверие, которое они имеют к оказываемым им иногда отличиям,—мог ли я начать иначе, чем начал? Одного слова не по вкусу кому-нибудь из них было бы достаточно, чтобы поселить среди всех сомнение, и мы, постоянно стесняемые тайными и коварными подвохами этого правительства, во что бы то ни стало должны были или удовлетворить решительно всех или со стыдом отказаться от выгод, которые сулило государству возвращение такого большого числа его заблудших детей. Это имя государства — магически действует на всех граждан и нам достаточно было его одного, чтобы заставить сделать из других и из себя все что хотят. Раз это так, то я, как ревностный чиновник, должен был заботиться только о главном, т.-е. о приобретении всех солдат и надеяться, что в Грузии, или выше, более или менее поддержат мой план и поведут дело таким образом, чтобы ни военная дисциплина, ни мое слово, ни надежда солдат не пострадали от принятых в этих обстоятельствах решений. Требовалась ли какая нибудь чрезвычайная сообразительность, чтобы выполнить подобную вещь? Имею честь уверить вас, что нет;

достаточно зная человеческое сердце, я утверждаю, что люди могут сегодня быть очень довольны и удовлетворены тем условием, на которое еще вчера смотрели с большим страхом. Итак, вы видите, дорогой Грибоедов, что я мог пообещать вашему отряду много, и что те, кто не будучи в силах выполнить мои обещания всецело, могли все же удовлетворить желание в значительной части,— вполне были в состоянии найти приличный выход в каждом отдельном случае, употребляя сначала строгий и суровый тон, с тем, чтобы сменить его в конце на чувствительный и отеческий. Кажется даже по официальным бумагам, которые у меня имеются, что исход дела складывался приблизительно в этом смысле, и что вашим солдатам дезертирам предстояла лишь простая необходимость сквитаться своим долгом перед родиной. Мое же слово не выполнено только в том, что император не разрешает свободно выбрать себе образ жизни тем людям, которые после моих представлений ожидали получить эту льготу, но тем не менее их искренно простили, вернули им права гражданства и спокойствие совести, раздираемой угрызениями. Дорогой Грибоедов, я до сих пор не вижу никакой беды, кроме разве того, что мне не удалось обеспечить для ваших солдат все то благо, которое я поставил себе задачей, от которого они отказались бы добровольно, если бы только у нас захотели придти к убеждению, что солдат—это не просто машина. Во всяком случае нужно было немножко съиграть комедию и уверяю вас, что они были бы довольны. Я смеюсь, говоря вам это слово, потому что на этом свете невозможно быть чем-нибудь довольным.

Вы повидимому находитесь теперь у уважаемого Ермолова. Его подвиги не мешают ему читать вас безпрестанно. Старайтесь для вашего благополучия устроиться при его превосходительстве, который с своей стороны также должен ценить вас, нуждаясь в та-

лантливых людях; но ради бога, не играйте и не слишком сближайтесь с молодежью, потому что, иначе, я предсказываю вам, что вы переживете много дней и грустных и бедственных.

Моя судьба все та же, следовательно, слишком плохая для того, чтобы у меня было желание приобщить вас к ней. Однако, если вы не имеете надежды на что-нибудь лучшее в Грузии, советую вам приехать ко мне возможно скорее. Наконец мой дом начинает представлять защиту от ветра и холода. Сегодня мне удалось вставить там окна. Ни слова не говорю вам о постройке, хотя и очень подвинувшейся; еще многое нужно доделать, прежде чем можно будет там поселиться [1]). Я 9 дней болен воспалением головы и левого глаза, так что не страдаю только тогда, когда глотаю большими дозами опиум. Виллок [2]) отправился в Тегеран, Портер [3]) — в Константинополь, Гинджа [4]) вернулся из Шираза [5]), и, кажется, что Кормик [6]) исполняет обязанности проконсула Компании в Тавризе. Мы все собрались вместе на празднике Мохаррем [7]) и я очень жалею, что вы его пропустили. Этот праздник более театрален чем все другие в Персии и, поистине, достоин вашего внимания. Особенно стоит познакомиться с ролью, которую играет здесь христианский посол. Этот господин, который упрекает Калифа за его тиранию, грозит довести об этом до сведения своего двора, и в конце концов, по мановению неизвестно чьей руки и после нескольких слов, ясно произнесенных отрубленной головой,—находит необходимым обратиться в мусульманство, но вместе с тем погибает от сабли палача.

Таким образом, дорогой Грибоедов, в самом Тавризе не стесняются открыто насмехаться над нашей религией и над международным правом! Я вернулся домой дрожа от негодования.

Мой брат [8]) безпрестанно вспоминает о вас и делает все, что может, чтобы научиться хотя бы немного логике Кондильяка [9]). Он обнимает вас, говорит тысячу приветствий и ждет вас с нетерпением, потому что он не любит слышать, когда говорят, что возможно желать навсегда уехать из этого прекрасного местопребывания.

Я очень безпокоюсь о судьбе Амбургера. Кажется, что бедный молодой человек серьезно болен; желаю ему, столько же для него, как и для вас, совершенно поправиться перед возвращением сюда. Шемир [10]) вот уже 3 недели, как вернулся. Шах [11]) отослал его очень скоро под предлогом утешить меня письмом, которое его величество прислало мне; письмо правда очень любезное, но совершенно не подходящее к обстоятельствам. Генерал [12]) без сомнения скажет вам о моих донесениях и вы сможете узнать их содержание. Плохие настают времена (Incidimus in amla tempora), однако, я надеюсь, что Верещагин [13]) скоро будет освобожден из рук своих притеснителей. Две недели тому назад я съиграл одну штуку с шахом через посредство Абдул-Вашеба [14]), который дал мне совершенно удовлетворительные известия.

Мазарович.

Тавриз.

(Число и месяц не разобрано). . . . . . 1819 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

[1]) Симон (Семен) Иванович Мазарович—происходил из древней Венецианской фамилии Смилоевич-Мазарович и был сыном адмирала Джиованни Мазаровича. Имея звание доктора медицины, он состоял с 1807 г. на русской службе и в августе 1816 г. был в качестве доктора причислен к посольству в Персию под начальством А. П. Ермолова, которым он был отправлен в Персию вперед до прибытия посольства, В 1818 г. по представлению Ермолова, „оценившего его редкие способности“, он был назначен поверенным в делах в Персию, с причислением в ведомство Государственной коллегии иностранных дел-где он и прослужил до 26 января 1826 г., получив в 1821 г. чин статского советника. В 1828 г., когда Грибоедов заместил Мазаровича в Персии в качестве полномочного министра, последний был причислен к главноуправляющему Грузии Ф. И. Паскевичу чиновником особых поручений. В 1833 г. Мазарович состоял при Азиатском Департаменте. В 1836 г. присягнул на верность подданства России. Умер в Москве в 1852 г. (см. „Архив Раевских“, под ред. Б. Л. Модзалевского, т, I, стр. 290—291).

[2]) Комендант Моздока—Котырев.

[3]) Алексей Петрович Ермолов (1777—1861)—командир отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющий гражданскою частью в Грузии и губ. Астраханской и Кавказской.

[4]) Цитата взята из буколик Виргилия. Ecloga II, 69. В переводе значит: „О Коридон, Коридон, какое безумие тебя охватило!“

2.

[1]) В действительности число людей, которых вел Грибоедов было 158. См. содержание письма № 4.

[2]) Шамир Фриданович Мелик-Бегляров—переводчик, числившийся в 1817 г. в списке лиц, служивших при русском посольстве.

[3]) Тавриз—главный город персидской провинции Азербейджан, резиденция наследного принца—Аббас—Мирзы и местопребывание русской миссии в Персии.

„По словам англичан Тавриз один из несчастнейших городов в Персии. Они говорят, что здесь только имеется один благопристойный дом, построенный для жительства войск, и называют его лачугой. Жителей теперь в Тавризе считиют более тридцати тысяч. Город сей был во времена Шардена один из величайших и населенейших на востоке, и по словам сего путешественника имел полмиллиона жителей.—Но никакой город не перенес еще столько бедствий от войн. Тавриз лежит среди границ соседственных государств, и был в разные времена попеременно 8 раз в руках у турок, татар и персиян, и столько же раз разграблен. Но главная причина развалин Тавризе есть частые землетресения, которые несколько раз превращали в прах величественнейшие здания города.“ (Из рукописи „Собрание записок о Персии в 1817“, из собр. Гос. Ист. Муз., Арх. № 896, стр. 73 об.—74.)

[4]) Здесь Грибоедов имеет в виду персиян.

3.

[1]) Мехмендаром назывался персидский чиновник, прикомандированный к иностранным посланникам и др. важным лицам. Мехмендаром Грибоедова был Махмед-Али-бек, который в 1817 г. состоял в той же должно-

сти при Н. Н. Муравьеве. Мнение о нем Грибоедова и Муравьева (См. „Р. арх.", 1886 г., № 4, стр. 506)—совпадают.

[2]) Альвар—селение близ Тавриза.

[3]) Фирман—указ.

[4]) Маранд—город, лежащий на пути между Тавризом и Нахичеванью. Описание его имеется в восп. о Персии Ф. Ф. Корфа (С.-П., 1838 г., стр. 79—80).

[5]) Эльдорадо—„Золотая страна"; так называют после открытия Америки всякую страну, изобилующую золотом, драгоценными каменьями.

[6]) Шамир—см. примеч. 2 к письму № 2.

[7]) Фарсанг—или фэрсенг—персидская мера расстояния=5000 метрам или 5 верстам.

[8]) Софиан—местечко, лежащее между Тавризом и Марандом. Из Софиана, по воспоминаниям Ф. Ф. Корфа (С.-П., 1838 г., стр., 81),—виден Тавриз (в 25 верстах).

В статье Н. Н. Муравьева „Описание дороги от Еривани до Султании,—"помещенной в рукописи Гос. Ист. Муз. (Арх. № 896, стр. 73), подробно говорится о пути „от Маранда до Софиана. Расстояние 29 верст. Дорога идет сперва 3 версты равниной, спускаясь неприметно кручью, которой перейдя подымается несколько в гору, идет ущельем к Таврису. Ущелье сие имеет ширины с версту; горы по обеим сторонам невысоки, но скалисты и имеют много родников соленой воды. Вступая в ущелье находится на левой стороне дороги караван сарай именем Ям, он теперь раззален; строение же повидимому было прекрасное. На сем месте всякое лето Абаз-Мирза становится лагерем с войском. Речька Ям вытекает из гор и идет все по дороге до Софиана, не доезжая селения сего есть две мельницы на ручье. Ущелье в сем месте расширяется открывается пространная равнина, на которой за 6 часов езды виден простым глазом Тавриз. Софиан боль-

шое селение, принадлежащее приближенному чиновнику Абаз-Мирзы. Персияне уверяют, что вода из гор Ямских бегущая—целительная".

⁹) Шахзаде—принц крови; здесь разумеется Аббас-Мирза.

¹⁰) Назр (или Назар) Али—хан Маранды, батальонный командир сарбазов, который за отдачу 4 сентября 1826 г. без боя Елизаветполя русским был, по распоряжению Аббас-Мирзы, сначала перед войсками опозорен, а затем удавлен. (См. „Ген.-фельдм. кн. Паскевич его жизнь и деятельность по неизд. источн.," сост. Щербатовым, С.-П., 1890 г., т. II, стр. 53, а также кн. „Жизнь г.-л. кн. Мадатова", С.-П. 1837 г., стр. 104,105 и др.).

Накануне того, как Грибоедовым писалось это письмо Мазаровичу, им было занесено в путевые записки 1819 г. следующее: „5-го сентября. Ночь, поустаю (поотстаю?), днем нахожу своих. Брошенный больной. Дыни хлопчатая бумага, Возле Софиян у мельницы водопад холодок, кусты, маленький вал, завтракаем. Идем в ущельи, соляные воды и горы. Взбираемся на высочайшую гору крутую; узкая тропинка между камнями. Вид оттудова. Вышли в 2 пополуночи, пришли в Маранд в 7-мь по-полудни. Виноградная беседка." (Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова, под ред. Н. К. Пиксанова, П., 1917 г., т. III, стр. 64).

4.

¹) Чапар—гонец, курьер.

²) Махмед-Али-бек—См. примеч. 1 к письму № 3.

³) „Недавно"—пишет Грибоедов в своих путевых записках—„одного областного начальника, не взирая на его 30-ти летнюю службу, седую голову и Алкоран в руках, били по пятам, разумеется без суда". („Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова, под ред. Н. К. Пиксанова, П., 1917 г., т. III, стр. 51). В статье П. Н. Ермолова, помещенной в рукописи Гос. Ист. Муз. о Персии

1817 г. говорится: „... в Персии наказание следует тотчас за виной и приговор исполняется без отлагательства. Палочные удары общее наказание, как высших, так и нижних чиновников; во время пехотного учения, бывшего в Тавризе, в присутствии Аббаса-Мирзы и российского посла, английский капитан, обучающий пехоту бил палкою ошибавшихся, не только нижних чинов, но даже и самого батальонного командира. Удары сии не оскорбительны в Персии, ибо кроме шаха все оным подвержены, дети шахские, первейшие министры, точно также, как и последний поденщик". (Арх. № 896, стр. 54-55).

[4]) Кельбель-хан—командир Нахичеванского батальона Ессак-Хан, сын Келбалы хана нахичеванского, ослепленного персиянами в нач. XIX столетия за его приверженность к России. (См. „Ген.-фельдмаршал кн. Паскевич. Его жизнь и деятельность по неизд. источн."— Щербатова; С.-П. 1888 г., т. II, стр. 286).

[5]) Нахичевань—персидский город, присоединенный в 1828 г. к России, когда границы ее были расширены до р. Аракса.

[6]) В путевых записках Грибоедова от 6 октября 1819 г. мы находим следующую запись: „Отправляемся; каменями в нас швыряют, трех человек зашибли! Песни: „Как за реченькой слободушка", „В поле дороженька". „солдатская душечка, задушевный друг". Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза". (Собр. соч., т. III, стр. 64).

[7]) Фет-Али—персидский шах.

[8]) Наиб султан—наследник престола, Аббас-Мирза (ум. в 1833 г., 52 лет)—один из 150 сыновей шаха и фактический правитель Персии, так-как шах, по словам Ф. Ф. Корфа, „по старости и лени не хочет заниматься делами, то европейские миссии живут в Тавризе и дипломатическая часть поручена наследнику престола" (СПБ. 1838 г., стр. 111). По словам племян-

ника Грибоедова, Д. А. Смирнова, отношения его дяди и Аббас-Мирзы были связаны „чувствами личного взаимного уважения“ (См. „Русск. слово“, 1859 г., Апрель, стр. 75).

[9]) Чарвадар или Червадар—погонщик вьючных животных.

[10]) Укрываться в гареме от неприятных объяснений было в Персии обычным явлением. А. П. Ермолов, в своей записке о посольстве в Персию, рассказывает как Аббас-Мирза „предупрежден будучи, спасся в своем гареме“ от чиновника русского посольства, посланного к нему Ермоловым для объяснений по поводу одного неприятного инцидента (См. „Зап. А. П. Ермолова“, ч. II, стр. 57; М. 1869 г.).

[11]) Томан—или туман персидская монета, равная по тому времени 20 рублям ассигнациями или 4 руб. серебром (см. рук. „Собрание записок о Персии в в 1817 г.“ Арх. № 896 в Гос. Ист. Муз.).

[12]) Карабага—область, ханство, принадлежавшее тогда Мехти-Кули-хану. По Гюлистанскому трактату 1813 года находилось под русским владычеством.

13) Абул-Фетх-Хан Чугундурский—желал перейти в русское подданство с 4.000 семейств, при условии, если он будет наследовать Карабагское ханство, принадлежавшее его родному брату Мехти-Кули-Хану, но Ермолов в отношении к гр. Нессельроде от 15 июня 1820 г. высказался против принятия Абул-Фетх-Хана в русское подданство; он опасался, что тогда ханство будет управляться под полным влиянием Аббас Мирзы, ибо родная сестра этих братьев была женою наследного принца Персии, а также потому, что ему были хорошо известны „коварные свойства сего персиянина и особая приверженность его к Аббас-Мирзе“. (См. „Акты Кавказской Археограф. Комиссии“, т. VI, ч. II, стр. 229).

14) Разбойник Александр—грузинский царевич, бежавший в Персию и волновавший оттуда в особенности закавказских лезгин.

15) Ларин—о дальнейшей судьбе его см. в тексте письма № 5.

16) Мейдан—площадь. Говоря о мейдане, Грибоедов подразумевал, вероятно, арсенал, построенный Аббас-Мирзой на площади Тавриза.

17) Вагин — русский пленный, рассказ которого записан Грибоедовым в его „путевых записках“ за 1819 г., к сожалению, в очень сжатом и неясном виде. (Полн. Собр. соч., т. III, стр. 59 и 292).

18) Аракс—приток р. Куры.

19) Змеиная скала—Илан-даг (илан—по персидски значит—змея, даг-гора) находится близ Нахичевани Название свое получила оттого, что „множество змей живут при сей горе“ (см. Зап. Н. Н. Муравьева—„Р. арх“., 1886 г. № 4, стр. 484). В путевых записках за 1827 г. Грибоедов описывает Змеиную скалу, как увеличенный „обоженный уродливый пень“.

20) Казанчи—селение, лежащее между Нахичеванью и Шушей.

21) Пирнавут или Пернавут—армянское селение, под властью Мехти-Кули-Хана, а последний—под властью России.

22) Гарусса или Гюруса—селение, лежащее по дороге от Нахичевани к Шуше.

23) Подобное же описание условий, при которых Грибоедову приходилось путешествовать в Персии, мы находим в письме его к С. Н. Бегичеву от 29 января (1819 г.): „однако, свечка догорает, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако, возле огонька, который более дымит, чем греет“... (т. III, стр. 37).

24) Карабаба—местечко, лежащее близ Нахичевани.

25) Мехти-Кули-Хан Карабагский,—перешол по Гюлистанскому трактату 1813 г. под русское владычество; имел чин ген.-майора. Бежав в 1822 г. в Персию, он снова вернулся под покровительство России в 1827 г.

26) Султан—значит капитан.

27) Гаргары или Гергеры—селение в Персии за Араксом, бывшее последнею на пути в Россию станцией тогдашних собственно персидских владений.

28) Мирза-Мамиш—см. выше в этом же письме. Имя его упоминается также в „путевых записках“ Грибоедова (См. т. III, стр. 67).

5.

1) В январе 1820 г. Грибоедов снова выехал из Тифлиса в Персию.

2) Под начальством Ермолова на Кавказе состояли на службе два брата Вельяминовы: 1) Алексей Ал-др. (1788-1836 г.)—ген.-майор, начальник 21 пехотной дивизии, начальник штаба отдельного Кавказского корпуса; 2) Иван Ал-др. (1771—1837).—ген.-л., управляющий гражданскою частью в Грузии. Можно предполагать, что Грибоедов говорит в письме об И. А., который, как ближайший сотрудник Ермолова, жил постоянно в Тифлисе.

3) Сиссиан или Цициан—магал или поселок, лежащий между Нахичеванью и Шушей.

4) Шуша—до 1823 г. столица Карабагского ханства.

5) Чиначи или Чинахчи—имение кн. Мадатова близ Шуши, где находилась штаб-квартира. При осаде Елизаветполя (в 1826 г.) было сожжено до основания.

6) Реут—Командир 42-го егерского полка, выдержавший в 1826 г. 50-ти дневную осаду в крепости Шуше.

7) кн. Мадатов Валериан Григорьевич (1782—1829) карабагский уроженец. Состоял при отдельном Кавказском корпусе и был военноокружным начальником Карабагской провинции. С 1826 г.—ген.-лейтенант. С назначением на Кавказ Паскевича — был уволен. В 1824 г. Грибоедов писал С. Н. Бегичеву из Петербурга; „. . . Павлов, Мадатов и еще одно лицо всех их поважнее гораздо чином (с Трубецким получишь отгадку)—уморительные люди; я сколько нагляделся смешного, и сколько низостей!“ (Собр. соч. т. III, стр. 154).

8) Серхенг или сер-ганг (т.-е. подполковник) Мустафа-Кули-Хан. Ермолов писал о нем в предписании ген.-л. Вельяминову от 20 августа 1819 г.: „Выбежавшего из Персии серхенга Мустафа-Кули-Хана я точно знаю: он в проезд мой через Тавриз командовал лучшим батальоном регулярных персидских войск“... „Если ваше превосходительство прикажите ему явиться к себе, то может он сообщит разные полезные сведения, как чиновник, находившийся всегда при лице Аббас-Мирзы. . . . . .„Весьма отяготительны казне подобные выбегающие, но невозможно отказать в покровительстве особенно людям известного происхождения, паче, когда персияне от нас принимают всех вообще перебегающих. Отказав одному или выдав обратно, мы подвергли бы человека, просящего убежища, лютейшему наказанию и навсегда пресекли бы путь и таковым людям, которые могут весьма быть нам полезны“. („Акты Кавк. Археограф. Комиссии“, т. VI. ч. II, стр. 217).

9) Елизаветпольский Комендант—Максим Иванович Пономарев (о нем см. „Р. арх.“, 1886 г., № 12, стр. 453 и др.).

10) Селим-Хан Шекинский—владелец бывш. ханства Шекинского, бежавший в Персию. По Гюлистанскому трактату 1813 г. Шекинское ханство, как пограничное, признавало владычество России. Приказом ген.-м. Вельяминова от 27 июля 1819 г. было объявле-

но, что „если бы Селим-хан осмелился появиться в ханстве, то стараться или схватить или истребить его“. („Акты Кавк. Археограф. Комиссии“, т. VI, ч. I, стр. 738).

11) Павел Иванович Могилевский—правитель гражданской канцелярии главноуправляющего А. П. Ермолова, д. ст. сов.; впоследствии был Полтавским губернатором.

12) Ганджа—крепость, взятая в 1803 г. кн. Цициановым и названная Елизаветполем. Теперь входит в состав Азербейджанской республики под старым своим именем.

13) Вельяминов.(?)

14) Шамшедиль—татарская дистанция пограничная с Персией. В отношении Ермолова к кн. Волконскому от 26 июня 1819 г. читаем: „В Грузии оставался я наблюдать до какой степени могут успевать происки Шахского сына Аббас-Мирза, старающегося возмутить пограничные наши татарские области. В одной из них, называющейся Шам-Шадильскою дистанциею, обнаруживаются некоторые беспокойства; но думаю, что они кончатся побегом нескольких семейств и важных последствий никаких не будет“. („Акты Кавк. Археогр. Комиссии“, т. VI, ч. II, стр. 745; см. также зап. Н. Н. Муравьева—„Р. арх.“, 1886 год № 11, стр. 312—314).

15) Ларин—см. текст письма № 4.

16) Вельяминов. (?)

17) Речь идет о персах, у которых длинная борода считалась признаком красоты. Персидский Шах, подаривший свой портрет Александру I-му и Ермолову, по словам последнего „менее всего заботился о сходстве, но чтобы борода написана была длинее обыкновенной“. (Зап. А. П. Ермолова; М. 1869 г., ч. II, стр. 47—48). В рукописи „Собрание записок о Персии в 1817 г.“, принадлежащей Гос. Ист. Муз., Арх. № 896 говорится:

„Персияне нынешнего века почитают длинную бороду величайшим украшением. Царствующий ныне Фат-али-Шах имеет ее весьма длинную. Персияне прилагают о бороде своей величайшее попечение. Черная и густая борода всегда другим предпочитается; почему и не видишь, разве только между простым народом, бороды натурального их цвета. Они их красят делаемым из листьев ганы тестом, отчего волоса получают цвет оранжевой. Через час после сего принимают сие тесто, вымывают бороду и кладут другое тесто из листьев индиго. После сей операции, во время которой человек лежит на спине и чувствует в подбородке сильную боль, цвет бороды делается зеленой, а через сутки черной".

6.

1) А. П. Ермолов.

2) Гюлистанский трактат, заключенный между Россией и Персией в 1813 г., по которому Персия признавала владычество России над пограничными ханствами: Ширвинским, Шекинским, Карабагским, Ганджинским и Талышинским.

3) Шулаверы — селение, в Борчалинской дистанции.

7.

1) Андрей Иванович Рыхлевский—д. ст. сов. (ум. 3 декабря 1830 г. на 48 году.) С 1817-1820 г.—чиновник при А. П. Ермолове. По списку губернаторов: с 1821-1824 г.—Олонецкий, а с 1825-1829 г. — Вятский губернатор. С 1830 г.—директор Мед. Департамента. Был женат на Лашковской Елене Ивановне (ум. 10 декабря 1875 г. на 73 году). (См. картотеку, составлен. Б. Л. Модзалевским, находящуюся в Пушкин. доме).

2) Георгиевск — в 1820 г. был губ. городом Терской области; лежит на левом берегу р. Подкумка.

3) Кизляр — обл. город Терской области.

4) Софья Федоровна Ахвердова, — падчерица друга Грибоедова Праск. Ник. Ахвердовой, — на которой женился впоследствии Ник. Ник. Муравьев-Карский. С. Н. Ермолов в письме к брату П. Н. Ермолову от 28 апреля (1928 г.?) сообщает: „Муравьев также произведен в генералы и с своей генеральшей живут очень счастливо; что за чудесная жена его Софья Фед. Он прекрасный человек, но странной имеет характер, и чудесит иногда порядочно, но надо видеть, как умеет она его наставить на путь истинную". (Из собр. Госуд. Ист. Муз., Арх. № 896). В своих записках Муравьев пишет: „Красота и воспитание Софьи Ахвердовой привлекали в дом ее множество гостей. Многие в нее влюблялись, но не приступали к женитьбе, опасаясь расстроенного состояния дел ее". („Р. Арх.", 1889 г. № 4, стр. 594). Едва ли не Грибоедова имел в виду Муравьев, когда писал о „толпе молодежи, отчасти наглой, которую принимали в доме сем (т.-е. П. Н. Ахвердовой) слишком хорошо, и, которая пользуясь сим ласковым приемом, веселилась и не переставала в неприличных шутках заочно превозносить красоту и качества Сонюшки, не имея на нее никаких честных видов замужества". („Р. Арх.", 1889 г., № 9, стр. 62—63.). Муравьев не скрывает в своих воспоминаниях, что присутствие Грибоедова на их свадьбе было ему неприятно. А. С. не утаил от Муравьева, что „был неравнодушен к Ахвердовой," точно также, впрочем, как и Муравьев, который признался Грибоедову, что Нина Ал-др. Чавчавадзе, будущая жена А. С., ему „более нравилась". (Там же, стр. 61). Письмо Грибоедова подтверждает мнение Муравьева о молодежи, относившейся к С. Ф. Ахвердовой с некоторым легкомыслием и невоздержанностью в словах.

5) А. П. Ермолов.

.8

1) Поль — имя или фамилия дважды упоминаемая Грибоедовым: в „путевых записках“ от 5 марта 1822 г, и в письме к неизвестному (кн. А. А. Шаховскому?) от 17 сентября 1820 г. (См. Собр. соч., т. III, стр. 68 и 144).

2) Сравнение с Диогеном.

3) А. П. Ермолов.

4) При отъезде в Персию Грибоедов получил лишь чин титулярного советника; чин же коллежского ассесора, который он желал иметь тогда же, он получил только 3 января 1822 г.

5) Георгий Иесеевич кн. Эристов (1760—1863) ген.-м., ген.-л., командующий резервною гренадерскою бригадою, военно-окружной начальник в Кахетии. Был человеком, повидимому, с неуравновешенной психикой. Муравьев-Карский, рассказывает о нем в своих записках от августа 1823 г. „Князь Эристов старик, Осетин или Грузин, дослужился однако до генеральского чина. Человек сей отменно добр и честен, но столько же глуп и бестолков; он, говорят, был прежде храбр. Года три тому назад он сходил с ума и теперь еще не совсем поправился от сей болезни, пущается охотно в разговоры о духах, бесах и философии, не читав от роду никакой книги, так что трудно иногда удержаться от смеха при разговорах его“ („Р. арх.“ 1888 г. № 9, стр. 45).

6) Иван Онуфриевич Пузыревский I. — полковник, командир 44 егерского полка, принимал деятельное участие в усмирении имеретинского бунта, вспыхнувшего в 1820 г., вследствии предпринятого, по распоряжению митрополита Феофилакта в Имеретии, описания церковных имений. А. А. Вельяминов писал П. Н. Ермолову от 11 марта 1820 г.: „Пузыревский цапнул митрополитов и иных. Один из святителей Ку-

татель, обратился уже в мощи, т.-е. на третий или четвертый день со страху умер. Абашидзевы и Церетель ускользнули, но все же в Имеретии преспокойно и вероятно никакого шума не будет". Вельяминов ошибся: Пузыревский вскоре же был предательски убит кн. Кайхосро Гуриели, завлекшим его в свой дом. (См. записки А. П. Ермолова; М. 1869 г., ч. II. Приложения, стр. 118-120 и 126). Подробности этого дела см. в „Актах, собр. Кавк. Археограф. ком.", т. VI, I, стр. 536, 539, 584 и др.

7) Федор Исаевич Ахвердов—умер в апреле 1820 г. (См. „Арх. Раевских", т. I, стр. 321. и „Р. старина", 1874 г., октябрь, стр. 299. В собр. соч. А. С. Грибоедова, под ред. Н. К. Пиксанова, т. III, стр. 342—год смерти его „1818" — указан ошибочно). Начальник Кавказской артиллерии. Был женат на Прасковье Ник. Арсеньевой, которая воспитывала будущую жену Грибоедова, дочь Эриванского губ. кн. А. Г. Чавчавадзе, — Нину Александровну (1812—1857).

8) Анна Андреевна Ахвердова.

9) Здесь Грибоедов говорит об А. П. Ермолове.

10) С. И. Мазарович.

9.

1) Петр Николаевич Ермолов (р. 8 окт. 1787 г.— † 20 июня 1844 г.). Женат был на Анне Григорьевне ур. Оболенской (р. 7 февр. 1807 г.—у. 22 июня 1852 г.). Начал службу при Мин. вн. дел с 30 апр. 1806 г. в 1808 г.—перешел подпрапорщиком в л.-гв. Семеновский полк; в 1809 г. — произведен в прапорщики; в 1811 г. — в подпоручики; в 1817 г. — в полковники; 9 окт. 1818 г. назначен командиром Грузинского гренадерского полка; 20 апреля 1823 г. — за отличие по службе пожалован ген.-майором. Участвовал в кампании 1812—14 г.г.; с 17 апр. по 10 окт. 1817 г. состоял при чрезвычайном посольстве в Персии; в 1827 г., 13 декабря вышел в отставку по болезни и с тех пор по-

селился в Москве, проводя лето в своем подмосковном имении „Собакино“.

Состоял членом ученых общ-в: Испытателей Природы и Сельского хоз. в Москве.

Умер в Москве, в собственном доме в Чернышевском пер. Похоронен вместе с женой в Моск. Покровском монастыре. (См. кн. А. Ермолова: „Род Ермоловых“. М. 1913 г., стр. 51—53).

2) Грибоедов уехал в Москву и Петербург 5 марта 1823 г., получив отпуск на 4 месяца. Вернулся на Кавказ лишь в 1825 г.

3) Николай Николаевич Муравьев (1794—1866 г.) —гв. генер. штаба, штабс-капитан, впоследствии—генерал. Член посольства А. П. Ермолова. Оставил интересные записки, напечатанные в „Р. арх.“ за 1886—1889 г.г.

А. Берже пишет о Грибоедове, что он смог заниматься в Тифлисе музыкой „благодаря фортепиано, едва ли не единственному, приобретенному у Н. Н. Муравьева“. (См. „Р. стар.“ 1874 г. т. XI, стр. 289). О Грибоедове-музыканте см. статью проф. С. К. Булич (полн собр. соч. Грибоедова, С.-П. 1911 г., т. I, стр. 305). Н. Н Муравьев, по свидетельству Э. В. Бриммера, был „очень хороший музыкант, игравший на разных инструментах Я видел его играющим“—пишет он—„на фортепиано, на флейте, в зоре музыкантов с волторною и с почтовым рожком в руке“. (См. „Кавказский сборн“., т. XV, стр. 132—133).

4) Мухровань—сел. Душетского у., Тифлисской губ. Там стоял Грузинский полк, которым командовал П. Н. Ермолов. (См. „Кавказский сборн.“, т. XV, стр. 121 и „Р. арх.“ 1888 г. № 9, стр. 27).

5) Джибелли или Жибелли—личность которого установить не удалось. Имя его встречается только один раз в письме Грибоедова к Н. А. Каховскому от

3 мая 1820 г.; из письма видно, что Джибелли был партнером Грибоедова по игре в карты (см. полн. собр. соч., т. III, стр. 139).

6) Карабага—см. прим. 12 к п. № 4.

7) Мехти-Кули-хан — см. прим. 25 к п. № 4. После бегства его летом 1822 г. в Персию из-за неудовольствия жителей его управлением и из страха понести ответственность за растрату казенных денег, (а по словам Н. Н. Муравьева из-за желания русского правительства овладеть его ханством — см. „Р. арх.", 1888 г. № 7, стр. 0350),—в Карабагском ханстве было учреждено русское управление. В письме речь идет об отдаче владений хана в аренду. Для приведения в известность доходов Карабагской провинции и установления сборов, туда были направлены правитель канцелярии А. П. Ермолова — П. И. Могилевский и П. Н. Ермолов, которые, как сказано в донесении А. П Ермолова Александру I-му, „возложенное на них поручение исполнят с приличествующим правительству достоинством". (См. „Зап. А. П. Ермолова", М. 1868 г., ч. II, стр. 167—168).

8) Шуша—см. прим. 4 к п. № 5.

9) Мадатов В. Г.—см. прим. 7 к п. № 5. В 1819 г. Мехти-Кули-хан обратился к А. П. Ермолову с просьбой разрешить г.-м. кн. Мадатову, уроженцу Карабага, принять от него поместья; предложение его было отклонено, ибо нашли, что чиновнику русской службы неудобно принимать подарок от хана, но затем, после длительной переписки, выяснившей, что хан не дарит, а предлагает Мадатову лишь воспользоваться имением „взамен другого, принадлежавшего предкам его в сем ханстве" — Мадатов в 1821 году, 23 августа, получил разрешение правительства принять предлагавшееся ему имение „в вечное, потомственное владение". (См. „Записки А. П. Ермолова", М. 1868 г., ч. II, стр. 97 — 98 и стр. 142—143).

В письме Грибоедов намекает, очевидно, на личную имущественную заинтересованность Мадатова, который после бегства Мехти-Кули-хана был назначен военно-окружным начальником Карабагской провинции. (О Мадатове см. кн. „Жизнь ген.-м. кн. Мадатова“, СПБ., 1837 г., 8⁰).

10.

1) „Мазарович отстроил Palais de Russie великолепнейший“ — писал Грибоедов Н. А. Каховскому 25 июня 1820 г. (Собр. соч. т. III, стр. 142). Постройка дома Мазаровичем по типу русских домов вызывалась особенностями местного климата. „Климат Тавриза достоен замечания. Сильные жары летом, и сильный холод зимой; бывает иногда до двадцати градусов мороза и бывали примеры, что в глубокую весну замерзали люди в окрестностях. Река Аджи замерзает в январе и декабре месяцах и по льду провозят орудия, тоже самое случается с Араксом, чрез который персидская артиллерия по льду переходила“. (Из рук. Гос. Ист. Муз. Арх. № 896), стр. 74).

2) Виллок — английский поверенный в делах в Персии. В записках Н. Н. Муравьева за август 1817 г. читаем: „11-го числа ввечеру ходил я к Английскому поверенному в делах Виллоку и Кампбелю, с Мазаровичем; нас хорошо приняли, разговаривали на счет книг о Персии. Из всего можно было заметить, что Виллок человек недальный“... „Они уже 9 лет живут в Персии и не чувствуют охоты ехать в свою отчизну: столь на них сильно действует сребролюбие. Англичане сии не показали той радости, которую чувствовать должны европейцы при воззрении на своих соотчичей; они сделались совершенными Персиянами. Из разговора приметна была колкость, с которой они обращались; но и мы им не спускали и за одну колкость, отвечали двумя. Впрочем признаться должно, что чай

и кальяны у них в большой исправности; живут они хорошо и чисто“. („Р. арх.“, 1886 г. № 4, стр. 519).

3) Портер — сэр Роберт Портер английский писатель об Азии. Н. Н. Муравьев в своих записках пишет от 13 октября 1817 года: „...обедал у главнокомандующего. С нами обедал полковник Портер, Английской службы. Пришелец сей служил при английском после Каткарте, имеет большое состояние и к стыду русского дворянства женат на княжне Щербатовой. Он приехал сюда проездом в Персию, где он хочет пробыть несколько месяцев, выдавая себя за путешественника; но вероятно он был послан в Персию от английского посла, дабы нас там еще застать и донести ему о происходящем“. В записи от 16 окт. 1817 г., Муравьев пишет: „Изо всех разговоров Портера видно, сколь он привязан к деньгам“. („Р. арх.“ 1886 г. № 5, стр. 15) и „Р. Слово“, 1859 г., апрель, стр. 69).

4) Гинджа — вероятно адъютант Аббас-Мирзы — Гаджи Махмет-Али.

5) Шираз — город персидской провинции Фарсистан.

6) Джон Кормик — доктор, английский офицер

7) Мохаррем — первый месяц мусульманского (лунного) года; в течении первых 10 дней этого месяца оплакивается смерть Гуссейна.

8) Осип Иванович Мазарович. (?)

9) Кондильяк Этьен-Боно де Мабли (1715—1780) — французский философ, представитель философии сенсуализма, выводящий психику человека из ощущений внешних чувств.

10) Шемир — см. прим. 2 к письму № 2.

11) Фет-Али — шах персидский.

12) А. П. Ермолов.

13) Верещагин — русский пленный, притесняемый персиянами, что видно и из текста путевых записок Грибоедова (см. Собр. соч., т. III, стр. 61) и из письма

Амбургера к Мазаровичу от 30 января 1826 года, в котором он пишет: „честь имею при сем к Вам, Милостивый Государь, препроводить копию с переписки Вашей с персидским Министерством, касательно пленного в Ширазе господина капитана Верещагина“ (из собр. бум. Гос. Ист. Муз., Арх. № 205).

14) Абдул-Вашеб — Мирза Абдул-Вахаб — министр, пользующийся особенной доверенностью шаха. (См. зап А. П. Ермолова, М. 1869 г., ч. II, стр. 27—31).

Иллюстрации.

Указатель имен и географических названий.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Библиотека документов, записок и воспоминаний

Книга 1-я. День воспоминаний о жизни и работе Веры Михайловны Бонч-Бруевич (Величкиной). Издание 2-е. Цена 50 коп.

Книга 2-я. Влад. Бонч-Бруевич. — На славном посту. (Памяти В. В. Воровского). (По личным воспоминаниям). Издание 2-е. Цена 15 коп.

Книга 3-я. Влад. Бонч-Бруевич. Покушение на В. И. Ленина в Москве 30 августа 1918 года (по личным воспоминаниям). Цена 15.

Книга 5-я. Влад. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в России после февральской революции до третье июльского вооруженвого выступления рабочих и солдат в Петрограде. (По личным воспоминаниям). Цена 80 коп.

Книга 6-я. Влад. Бонч-Бруевич. Смерть и похороны Владимира Ильича. Цена 20 коп.

Книга 7-я. Влад. Бонч-Бруевич. Тайная поездка в Россию в дни „9 января“ 1905 г. Цена 85 коп.

Книга 8-я. Влад. Бонч-Бруевич. Первое мая в России и за границей. (По личным воспоминаниям). Цена 30 коп.

Книга 9-я. Влад. Бонч-Бруевич. Тайное печатание книг н прокламаций в России. (По личным воспоминаниям). Цена 20 к.

Книга 10-я. Влад. Бонч-Бруевич. Нападение бандитов на В. И. Ленина в 1919 г. Цена 20 коп.

Книга 11-я. Влад. Бонч-Бруевич. Переезд советского правительства из Петрограда в Москву в 1918 г. Цена 20 коп.

Книга 21-я. В. И. Орлов. Годы реакции 1908—1910 г. Материалы по истории Московской Окружной Организаций Р. С.-Д. Р. П. (Редакция Московского Отделения Истпарта). Цена 2 руб. 25 коп.

Книга 22-я. М. Г. Голодец. Егорьевская организация Р. С.-Д Р. П. Со многими портретами и группами. (Редакция Московского Испарта). Цена 85 коп.

Книга 23-я. Пять повешенных. (Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Каховский). К столетию декабристов. Составил О. Штрайх. Цена 1 руб. 20 коп.

Книга 24-я. В. Воробьев. Два лейтенанта. Революционер Шмит и его палач Ставраки. Цена 70 коп.

Кннга 25-я. О. И. Попова. А. С. Грибоедов счетв и 1918-1923 г. (По новым документам). Предисловие, перевод и примечания О. И. Попова. Цена 1 руб. 50 коп.

Художественная Библиотека.

Книга 1-я. **А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. Морские рассказы.** Цена 1 р.

Книга 2-я. **А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. Две души.** Цена 1 руб.

Книга 3-я. **ПАВЕЛ НИЗОВОЙ. Язычники.** Повесть. Цена 50 коп.

Книга 4-я. **ПАВЕЛ НИЗОВОЙ. Тени.** Цена 1 руб.

Книга 5-я. **АЛЕКСАНДР НЕВЕРОВ.** Том второй. Лицо жизни. Рассказы. (Распродана).

Книга 6-я. **НИКОЛАЙ ЛЕВЧЕНКО. Таежное.** Сибирские рассказы. Цена 1 руб.

Книга 7-я. **В. ПЕРОВА. (В. М. Бонч-Бруевич Величкина). Перед рассветом.** Сборник революционных песен и стихотворений. С предисловием и примечаниями Влад. Бонч-Бруевич. Изд. 4-е. Цена 50 к.

Книга 8-я. **К. ГАНДУРИН. Минувшее.** Сцены в 5-ти действ. (Распродано).

Книга 9-я. **К. ГАНДУРИН. Яков Слепцов.** Драма в 5-ти действ. Цена 20 коп.

Книга 10-я **Ф. К.** Сборник революционных и трудовых стихотворений. Составлен для сольной и коллективной декламации. Цена 30 коп.

Книга 11-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. А все-таки!** Со 105 рис. и обложкой худ. Ф. Кригера. Цена 1 руб.

Книга 12-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. В огненном кольце.** С рисунками худ. И. И. Смукровича. Цена 65 коп.

Книга 13-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Мошна туга, всяк ей слуга.** Басни с иллюстр. художника К. Н. Фридберга. Цена 60 коп.

Книга 14-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Правда и кривда.** Басни с иллюстрациями художника К. Н. Фридберга. Цена 60 коп.

Книга 15-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Всякому свое.** Басни с иллюстрациями К. Н. Фридберга. Цена 60 коп.

Книга 16-я. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Сытый голодного не разумеет.** Басни с иллюстр. худ. К. Н. Фридберга. Цена 60 коп.

Книга 17-я. **МИХ. АРТАМОНОВ. Дети улицы.** (Очерки из московской жизни). Цена 30 коп.

Книга 18-я. **ЗИНАИДА РИХТЕР. Кавказ наших дней.** Цена 60 к.

Книга 21-я. **СЕРГЕЙ АНИСИМОВ. К ледяным полям Эльбруса.** Очерк и путеводитель с 2 картами и 16 рисунками. Цена 55 коп.

Книга 22-я. **АЛЬФРЕД СЕРЧИ. Среди австралийсих дикарей.** Авторизированный перевод с английского Наташи Аненковой. с 30 рис. в тексте. Цена 1 руб. 25 коп.

Книга 23-я. **И. АБРАМОВ. Что говорят забытые могилы.** С предисловием М. В. Новорусского. С 75 рисунками в тексте. 2-ое дополнительное издание. Цена 2 руб.

Общедоступная библиотека.

№ 1. В. М. БОНЧ-БРУЕВИЧ (Величкина). Песни Революции, с нотами. С предисловием и примечаниями Влад. Бонч-Бруевича. Издание 3-е. Цена 5 коп.

№ 4. Л. Б. Каменев. Суровые напевы (памяти Н. А. Некрасова). Цена 3 коп.

№ 5. В. М. Бонч-Бруевич (Величкина). Борец за свободу. Вильгельм Вейтлинг. Биографический очерк. Изд. 4-е. Цена 3 коп.

№ 6. А. Форель. Спиртные напитки как причина сумашествия. (Алкоголь и душевные расстройства). Перевод с немецкого В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Изд. 5-е. Ц. 5 коп.

№ 7. Демьян Бедный. Старым людям на послушание, молодым на поучение. Издание 2-е с 8 рисунками и обложка художника В. В. Спасского. Цена 8 коп.

№ 9. Демьян Бедный. Проклятие. С 25 рисунками художников А. Комарова и В. В. Спасского. Обложка художника В. Спасского. Цена 15 коп.

№ 11. Влад. Бонч-Бруевич. Сохраняйте архивы. Изд. 2-е. Ц. 3 к.

№ 12. Анатоль Франс. Уличный торговец. Перевод с французского В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Издание 3-е. С 5 рисунками художника И. Гурьева. Цена 12 коп.

№ 13. Отто Рунк. Хирург. Перевод с немецкого В. М. Бонч-Бруевича (Величкиной). Изд. 2-е. С 3 рисунками художника И. Гурьева. Цена 10 коп.

№ 14. В. М. Бонч-Бруевич (Величкина). Друг детей. Рассказ о замечательном швейцарском учителе Генрихе Песталоцци. Изд. 7-е. С 4 рис. Цена 8 коп.

№ 15. Ц. С. Гуревич (Самойлова). Спартак—предводитель римских гладиаторов. С 20 рисунками художника И. Гурьева Изд. 3-е. Цена 60 коп.

№ 20. Е. П. Радин. Памятка первой помощи в школе, пионеротряде, на фронте и в тылу. С 10 рис. в тексте. Изд. 3-е. Цена 10 коп.

№ 22. Евг. Радин. Здоровье в твоих руках через физическую культуру. Цена 10 коп.

№ 26. С. И. Гусев-Оренбургский. Маленький Павлюк. С 3-мя рис. художника И. Гурьева. Изд. 2-е. Цена 20 коп.

№ 31. С. Т. Семенов. Внизу. С 3-мя рисунками художника И. Гурьева. Изд. 2-е. Цена 20 коп.

№ 34. И. Гауле. Как действуют спиртные напитки на человека. Пер. с немецкого В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Изд. 5-ое. Цена 10 коп.

№ 43. С винтовкой в руках. Сборник стихов пролетарских поэтов о Красной Армии. Сост. Б. Гусман. С 10 рис. и обложкой художника Б. Владимирского. Цена 15 коп.

№ 46. А. Сименова. Как я устроила аквариум. Цена 15 коп.

№ 47. А. П. Нечаев. Табак и его влияние на умственную деятельность взрослых и детей. Цена 15 коп.

